

Стихи
**НА ПАЛЬМОВЫХ
ЛИСТЬЯХ**

*Классическая
тамилская
лирика*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Составление, подстрочный перевод,
предисловие и комментарий
А. М. Дубянского

Перевод
Анатолия Наймана

Ответственный редактор
С. Д. Серебряный

С 80 Стихи на пальмовых листьях. Классическая та-
мильская лирика. Пер. А. Наймана. Предисл. и ком-
мент. А. Дубянского. М., Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1979.

94 с.

В этой небольшой антологии представлена самая ранняя поэтиче-
ская традиция на юге Индии (I—III вв. н. э.), являющаяся неотъемле-
мой и значительной частью древнеиндийской культуры в целом. Клас-
сическая тамильская поэзия обладает самобытными эстетическими до-
стоинствами, ярко отображает жизнь Южной Индии в первых столе-
тиях нашей эры.

С 70404-227 202-79. 4703000000
013(02)-79

И (Инд)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В многообразном, богатом и сложном мире древнеиндийской литературы значительное место принадлежит поэзии на тамильском языке, который по своему культурному значению является важней-
шим представителем дравидской языковой семьи. Языки этой семьи (их сейчас насчитывается около 25) встречаются на территории всей Индии, но самые значительные из них — тамильский, малайалам, телугу и каннара, обладающие письменностью и давней литературной традицией, распространены на юге.

В настоящее время почти никто не сомневается в том, что дравидские языки не являются языками аборигенного индийского населения и пришли в Индию извне. Многие исследователи настойчиво связывают их с древними шумерским и эламским языками, другие — с урало-алтайскими или тюркскими, но окончательного разрешения вопрос о генезисе дравидской языковой семьи еще не получил. Еще более сложен вопрос о происхождении самих дравидов, поскольку дравиды, даже современные, являют собой картину чрезвычайно смешанную и даже запутанную в антропологическом, этническом и культурном отношениях.

Кажется вероятным, что значительную роль в этногенезе дравидов и становлении их культуры сыграли народы, связанные с древнейшей цивилизацией в долине Инда, цивилизацией Мохенджо-Даро и Хараппы (4—3-е тысячелетия до н. э.). Одним из ее достижений было создание письменности, до сих пор не расшифрованной, но, как полагают, принадлежащей языку дравидской структуры. Вследствие различных причин — природных катастроф, нашествия племен ариев и т. д. — эта цивилизация породила ряд миграционных потоков, направлявшихся — по морю или по суше — к индийскому югу. Здесь-то в результате длительного взаимодействия пришельцев и аборигенного населения, относимого обыкновенно к австралоидному этническому типу, возникла обширная культурная область, которая в старых тамильских текстах называется «тамижамам», «страна тамилов».

На ее территории, имевшей границами с востока, запада и юга океан, а с севера — горы Венгада, уже в середине I-го тысячелетия до н. э. существовали три знаменитых тамильских царства: Чера, располагавшееся на западном побережье Южной Индии (на территории современного штата Керала), Чола — владевшее землями на востоке, по берегам реки Кавери и севернее, и Пандья — на юге. Все три царства были богаты, имели широкий выход к морю, обладали крупными портами, развивали мореплавание и торговлю. Процветали также земледелие, скотоводство, охота, рыболовство — занятия различных племен, населявших Южную Индию.

Происхождение трех царских династий связано, видимо, с вы-
движением ряда племен (или групп племен), родовая аристократия которых смогла распространить свое влияние на значительные пространства. Это влияние заключалось прежде всего в утверждении военного превосходства над соседями и в возможности взимать с

них дань или контрибуцию. Право реального владения их землями интересовало предводителей победоносных племен меньше, и, вероятно, поэтому, несмотря на постоянные междоусобные войны, битвы и походы, каких-либо крупных переделов земель между тремя тамильскими царствами, насколько нам известно, не происходило.

Вообще политическая история юга Индии в древности известна нам плохо, и процесс становления трех тамильских царств, развития государственности от нас в значительной мере скрыт. Можно, однако, предположить, что этот процесс происходил под воздействием индийского севера; во всяком случае, в IV—III вв. до н. э. идея сильной царской власти, образ чакравартин, царя — властелина мира (развитие этого образа особенно связано с ростом империи Маурьев), без всякого сомнения, отразились на соответствующих представлениях южноиндийских правителей.

Распространение североиндийской культуры на юге во второй половине I-го тысячелетия до н. э. было, по-видимому, довольно значительным. До V в. до н. э. письменные санскритские источники никаких сведений о юге не содержат. Пожалуй, первым определенным упоминанием юга можно считать имя Чолов в санскритском грамматическом трактате Катьяны (предположительно IV в. до н. э.). Далее, в III в. до н. э. в эдиктах североиндийского императора Ашоки из династии Маурьев упоминаются уже пять южных государств: Чола, Пандья, Сатьяпутра, Кералапутра (Чера) и Тамрапарни (Цейлон). Интерес Ашоки к югу объясняется его стремлением к повсеместной пропаганде буддизма, приверженцем которого он являлся. Его миссионеры, буддийские монахи — бхикшу, путешествуя по тамильской земле или — через нее — двигаясь на Цейлон, еще больше способствовали взаимодействию севера и юга и оказывали значительное влияние на жизнь, культуру и образ мыслей южан.

В III в. до н. э. на юге Индии появилась письменность — алфавит брахми, использовавшийся джайскими или теми же буддийскими монахами для составления надписей на камнях и стенах пещер, где они главным образом жили¹. Язык надписей, как теперь выяснено, — тамильский с примесью лексик из праkritов, индоарийских языков, на которых была создана основная каноническая литература буддистов и джайнов. Южноиндийское письмо брахми, постепенно модифицируясь, вероятно, уже к I в. обрело форму, которой пользуется и современный тамильский язык.

Примерно этим же временем датируются наиболее ранние из дошедших до нас текстов, относящиеся к первой известной нам на юге Индии литературной традиции — поэзии на тамильском языке. Мы не располагаем достоверными сведениями о том, когда зародилась эта традиция, как она развивалась, но к началу нашей эры она, безусловно, вполне оформилась. Последующие три столетия были временем ее расцвета, о чем свидетельствуют дошедшие до нас стихотворения, известные по двум собраниям: «Эттуттохей» («Восьмь антологий», содержащих короткие стихотворения) и «Паттуппатту» («Десять песен», собрание больших поэм, от 103 до 782 строк). Составление и оформление этих собраний происходило, видимо, в значительно более позднее время, примерно с VII в., когда живая поэ-

¹ Этот тип письменности зафиксирован также в дарственных надписях различных правителей.

тическая традиция давно прекратила свое существование. Что же касается самих стихотворений, то принадлежность большей их части к периоду с I до III в. сомнений не вызывает и подтверждается тем, что создаваемая ими картина жизни индийского юга весьма близко соответствует данным археологических раскопок, эпиграфики, сообщениям греко-римских путешественников и географов: Страбона (I в. до н. э.), Плиния (I в.), Птолемея (II в.), а также автора «Перипла Эритрейского моря» (I в.).

Существует легенда, которая связывает развитие тамильской поэзии с так называемой сангой, поэтическим обществом, процветавшим под покровительством царей династии Пандья. Это общество, в состав которого входили знатоки и любители изящной словесности, поэты, мудрецы, придворная знать и сами цари, обсуждало и оценивало поэтические произведения, занималось составлением антологий, разработкой правил сочинения стихов. Согласно легенде, первая санга, просуществовавшая 4440 лет, в состав которой входили боги Шива, Муруган и Кубера, находилась в старом Мадураи (Мадуре), столице пандийского царства, поглощенной океаном. Ей наследовала санга в городе Кападапуре, который через 3700 лет также скрылся под водой. Наконец, третья санга, возраст которой исчислялся в 1850 лет, находилась в северном Мадураи, т. е. в том Мадураи, который действительно был столицей Пандьев и существует в настоящее время.

Появление в легенде Мадураи во всяком случае оправданно: город всегда считался центром тамильской культуры и образованности. Мадурайский диалект лег в основу тамильского литературного языка, так называемого «сендамиж». Но вот существовала ли в действительности санга (речь может идти, конечно, лишь о третьей), нам достоверно неизвестно. Легенда, кратко изложенная здесь, впервые встречается довольно поздно, в VIII—IX вв., в комментарии Наккирара к тамильскому поэтическому трактату «Ахалпоруль», а поэзия I—III вв., традиционно именуемая «поэзией санги», никаких сведений о поэтическом обществе не содержит. Более того, хотя ей и присущ определенный аристократизм, содержание ее и общий дух никак не вяжутся с атмосферой высокопоставленной и замкнутой придворной академии и, напротив, сильно связаны с жизнью пестрого и противоречивого древнетамильского общества.

В то же время поразительно единство дошедших до нас поэтических текстов с точки зрения языка, стиля, поэтики, зрелость традиции, наличие в ее распоряжении поэтической теории² как будто предполагают период специального культивирования поэзии, определенной редакторской работы над текстами — возможно, в пред-

² Трактат «Толькаппиям» («О древней поэзии») — первый известный нам образец тамильской филологической науки. Он посвящен грамматике, причем третья его часть, «Поруладихарам» («О содержании поэтических произведений»), касается «грамматики поэзии», т. е. поэтики. «Толькаппиям» датируется по-разному, в пределах от V в. до н. э. до V в. н. э., но «Поруладихарам» — видимо, более поздняя часть и принадлежит к IV—V вв. В ней классифицируется содержание поэтических произведений, описываются некоторые принципы поэтики и поэтические приемы, а также содержится изложение тамильской метрики, весьма интересная и совершенно своеобразная.

лах общества, подобного санге. Однако, как уже было сказано, достоверных сведений о таком обществе у нас, в сущности, нет³.

Довольно сложным представляется также вопрос о создателях «поэзии санги». Традиционно эта поэзия считается авторской, в том смысле, что оба упомянутых сборника содержат имена 473 поэтов, которые являются авторами или которым приписывается создание части дошедших до нас стихотворений и поэм (102 стихотворения автора не имеют). Имена, например, Капилара, Наккирара, Паранара, поэтессы Ауввеняр весьма знамениты, и об их носителях известно немало как из самих стихов, так и из различных легенд. Но подавляющее большинство имен является, собственно говоря, прозвищами, составленными с учетом какой-то физической особенности человека (Перунталей Саттанар — «Большоголовый Саттанар», Аниюр Мудаванар — «Хромой из Аниора»), его происхождения (Алаттур Кижар — «Выходец из Алаттура»), профессии (Мадурани Куттанар — «Танцор из Мадурани»), его религиозной, общинной принадлежности и т. п.

Интересным и нередким случаем является прозвище на основе встречающихся в стихах ярких фраз, метафор или сравнений, например: Аниладу Мундрилар — «Тот, [кому принадлежит слова:] двор, где играют белки», или: Кангуль Веллаттар — «Тот, [кто ска- зал] о потоке ночной тьмы».

Если судить по именам, представленным в сборниках, то социальный состав поэтов окажется поразительно пестрым: среди них есть земледельцы, ремесленники, купцы, чиновники, жрецы-брахманы и даже цари. Но являются ли они авторами стихов или стихи эти им приписаны, сказать трудно, особенно если учесть, что индивидуальное начало выражено в поэзии сборников, конечно, слабо. Вопрос этот, во всяком случае, требует дальнейших исследований, а пока необходимо отметить другое — то, что стилистика и поэтика самих стихов в значительной мере обязана своим происхождением традиции устного песенно-поэтического творчества. Носителями этой традиции были певцы, музыканты, танцоры⁴, принадлежавшие, как

³ В V в. в Мадурани существовала так называемая «санга Ваджрананди», джайнский обществ, с которым отдельные исследователи связывают древний этап в развитии тамильской словесности, но определенных доказательств в пользу этого предположения опять-таки нет.

⁴ Основными группами профессиональных певцов были следующие: панары — музыканты и певцы, игравшие на йале, старинном тамильском струнном инструменте; порунары — поэты, первоначально, видимо, обязанные ободрять воинов во время похода («порунар» — букв. «воин»); виралы — женщины-певицы, танцовщицы и музыкантши, часто — жены панаров; куттары — танцоры и музыканты.

Еще следует упомянуть ахавунаров (от «ахаву» — «взывать, кричать») — поэтов-прорицателей, гадателей, чье поэтическое творчество, явилось, видимо, одним из источников древнетамильской поэзии (во всяком случае, один из наиболее распространенных в ней размеров называется «ахаваль»).

С другой стороны, существовали поэты высокого социального статуса — пулавары, т. е. ученые и проповедники, постоянно находившиеся вблизи царя или князя.

правило, к низшим слоям населения. Песни их можно было слышать при дворах царей и в военных станах, во время обрядов и праздников, на полях во время работы, на улицах и в домах городов и селений. Поводы могли быть разные, но содержание песен тяготело к двум главным сферам жизни древнетамильского общества — военно-героической и семейно-любовной. Этими сферами традиционно определяется и основное содержание всей древнетамильской поэзии, а также ее классификация: поэзия пурам и поэзия ахам⁵.

* * *

Поэзия пурам, поэзия, так сказать, гражданская, запечатлела героический идеал древнетамильского общества, и особенно сословия воинов (так называемых «сандор» — «достойные, или благородные, воины»), из которых набиралась царская дружина. Наиболее яркими выразителями этого идеала были, конечно, сами цари, восхвалению которых и посвящена большая часть поэзии пурам. Таким образом, это поэзия по преимуществу панегирическая.

Воспевая того или иного правителя, поэты зачастую обращаются к нему по имени, могут упоминать те или иные обстоятельства его жизни или выделять какие-то присущие ему качества, но в основе создаваемой ими фигуры всегда лежит обобщенный стандартный образ идеального героя-правителя, образ по существу своему эпический. Чтение стихов в самом деле убеждает нас в том, что цари выглядят в них подобными персонажам героического эпоса — могучими, гневными, победоносными воинами. Однако при этом они лишены одного очень важного эпического измерения — действия. Их фигуры статичны, их подвиги и деяния называются, описываются, восхваляются, но не разворачиваются перед нами. Описание в панегириках полностью преобладает над рассказом⁶.

Чрезвычайно существенным моментом древнетамильской панегирической поэзии является тема взаимоотношений покровителя (царя или князя) и поэта. Взаимоотношения эти покоятся на древнем и характерном для родо-племенного общества представлении о царе как носителе особой энергии, обеспечивающей благосостояние государства и подданных. Энергией этой обладают помимо царя и атрибуты или символы его власти: царский зонтик, барабан, охранное де-

⁵ «Пурам» — букв. «внешнее», «ахам» — «внутреннее».

⁶ Существует точка зрения, выдвинутая К. Кайласапатхи в книге «Тамильская героическая поэзия» (K. Kailasapathy. Tamil Heroic Poetry. L., 1968), согласно которой стихи пурам представляют собой традицию героического эпоса (наподобие древнегреческого). По ряду обстоятельств, в том числе только что упомянутому, такое рассмотрение тамильской поэзии, с нашей точки зрения, невозможно. Несмотря на наличие у древних тамиллов героического идеала, эпическая традиция у них оказалась неразвитой (вполне вероятно, что одной из причин этого явился своеобразный характер их военной деятельности, о чем было сказано выше). Интересно попутно заметить, что в санскритской поэзии дело обстояло как раз наоборот: существовала мощная эпическая традиция («Махабхарата», «Рамаяна»), но героический панегирик был развит относительно слабо.

рево⁷. Их потеря, сдача врагу или осквернение равносильны поражению царя в битве, означают утерю им сакральной энергии и ведут к его гибели⁸.

С другой стороны, победа царя многократно усиливала его энергию, а сами битва, несомненно, являлась ее демонстрацией — откуда и происходит отношение к войне и полю битвы как к вещам сакральным, что находит, между прочим, свое выражение в понижении битвы как жертвоприношения⁹.

Ясно, что и роль поэта, восхваляющего царя и различные проявления его энергии, была исполнена глубокого сакрального смысла. Не приходится говорить о том, что эта роль, по крайней мере в своих истоках, была не проявлением частной поэтической инициативы, но, напротив, своего рода социальной обязанностью определенной категории певцов. И царь, прекрасно зная и понимая это¹⁰, в свою очередь, считал обязательной для себя роль щедрого покровителя и благодетеля. Таким образом, в обиход взаимоотношений царя и поэта входили, с одной стороны, исполнение поэтом хвалебных песен, а с другой стороны, щедрое угощение царем поэта и его родичей, награждение их дорогими украшениями, колесницами, иногда слонами. Так разыгрывалось это небольшое действие, которое, возможно, было еще символическим выражением связи царя с его землей, его подданными. Во всяком случае, сакральный характер его кажется несомненным, и это подтверждается еще и тем, что точно в таких же формах на юге Индии происходило почитание божества и общение с ним (в этой книге см., например, поэму «Тирумураттуппадаей» из собрания «Паттуппатту»).

⁷ «Охранным» считалось особо выделявшееся дерево (либо роща деревьев), которое как бы хранило в себе мощь, безопасность и благосостояние царя.

Сокрушение такого дерева врагом символизировало поражение и гибель царя, а какое-либо непочтительное действие в связи с ним (например, привязывание к нему слона) — нанесение оскорбления.

У каждого царя или князя были растения — символы его власти (не вполне ясно, можно ли их отождествлять с «охранными»). Так, у царей Черы это было эбеновое дерево, у Чолов — пальмира, у Пандиев — маргоза. Из цветов этих растений делались гирлянды, которые были неотъемлемым знаком представителя той или иной династии.

Заметим попутно, что ношение цветочных гирлянд вообще было весьма распространенным обычаем на юге. Даже во время военных действий воины носили гирлянды, причем интересно, что определенными цветами обозначались различные стадии похода или маневры (битва, окружение, осада и т. д.).

⁸ Существовал древний обычай, согласно которому царь, потерпевший поражение, садился на землю лицом к северу и, отказываясь принимать пищу, находился в таком положении, пока не умирал.

⁹ Фантазмагорические картины-символы такого жертвоприношения даны, например, в стихотворении 26 из антологии «Пуранануру» (собрание «Эттуттохей»), в поэме «Мадураниканьджи» (собрание «Паттуппатту»).

¹⁰ Понимание царем сакральности фигуры поэта прекрасно показано в стихотворении 50 из антологии «Пуранануру».

При знакомстве с панегирической поэзией антологий и поэм изложенные выше соображения следует учитывать, но в то же время нельзя забывать о том, что перед нами поэзия, достигшая значительной зрелости.

Поэты стремятся к решению чисто поэтических задач, к поискам более тонких, непрямолинейных панегирических приемов. При этом насыщенность поэтических форм сакральным содержанием уменьшается, а некоторые черты панегирического обихода приобретают характер поэтической условности.

Одной из таких условностей является, например, своеобразная жанровая форма, весьма характерная для поэзии пурам, — «аттруппадаей» («наставление на путь», «указание пути»). Своим происхождением она обязана практике странствующих поэтов, поскольку подразумевает ситуацию встречи двух поэтов, во время которой один из них направляет другого к тому или иному покровителю и при этом восхваляет его богатство и щедрость. В основе структуры каждого такого стихотворения лежит простая словесная формула: «Если пойдешь (к тому-то) и восхвалишь его, то получишь (то-то и то-то)». Дальнейшее наращивание поэтического материала вокруг этой формулы, панегирического и описательного, зависит от выбора и желания поэта. Так, оказывается очень естественным и удобным, направляя поэта к какому-нибудь царю или князю, указать путь в его владения и таким образом описать его богатые и процветающие земли. Размер поэтического произведения в этом случае может колебаться от десятка строк («Пуранануру» № 105) до больших поэм в несколько сот строк из антологий «Паттуппатту»¹¹: «Порунаттуппадаей» («Наставление на путь порунара» поэта Мудаттама Каннира, 248 строк), «Сирупанаттуппадаей» («Малое наставление на путь панара» поэта Идаиккажи Натты Наллур Наттаттанара, 269 строк), «Перумбанаттуппадаей» («Большое наставление на путь панара» поэта Кадиялур Уруттиранганнанара, 500 строк), «Малейпадукадам» (или «Куттараттуппадаей») поэта Ирания Муттаттыперунгундруа Перунгаусиканара («Аромат гор» или «Наставление на путь порунара», 583 строки). Назовем здесь и другие антологии и поэмы, относящиеся к разряду пурам: «Пуранануру» («400 стихотворений пурам» — величиной от 4 до 40 строк), «Падиттрипатту» («Десять десятков» — стихотворения — их сохранилось 86 — размером от 8 до 50 строк, посвященные царям династии Черы, — из «Эттуттохей»); поэмы «Мадураниканьджи» («Благой совет в Мадурани» поэта Мангуди Маруданара, 782 строки), «Паттинаппалаей» («Песнь о городе и о разлуке летней порой» поэта Кадиялур Уруттиранганнанара, 301 строка), «Недунальвадей».

¹¹ Вообще для древнетамильской поэзии количество строк в стихотворении — обстоятельство, не затрагивающее его содержательной сути. Эта суть может быть выражена одной-двумя фразами, а далее увеличение объема стихотворения идет за счет описаний. Весьма характерно, что термин, который употребляется в древности для обозначения поэтического произведения («патту» — букв. «песня»), относится к любому стихотворению независимо от его размеров. Таким образом, мы употребляем здесь термины «стихотворение» и «поэма» условно, сообразуясь с более привычными нам представлениями.

(«Долгий и благодатный северный ветер» поэта Мадураикканаккаяна Маханара Наккирара, 187 строк)¹² — из собрания «Паттупатту».

Если поэзия пурам имеет дело со сферой, как мы говорили, «внешней», так сказать, общественной деятельности древних тамиллов, то поэзия ахам, если вспомнить буквальное значение этого слова, подразумевает сферу жизни внутренней. Последнее нередко понимается как описание и выражение внутренних душевных переживаний, сердечных чувств. Такое понимание древнетамильской любовной поэзии возможно, но оно, несомненно, односторонне и даже вторично, поскольку лирическая струя, присутствующая в ней, обнаруживает себя здесь в строгих рамках определенных канонов и представлений, связанных с системой брачно-семейных отношений древнетамильского общества. Таким образом, внутреннее, ахам, есть прежде всего не что иное, как довольно замкнутая сфера этих отношений, некий семейный микрокосм, в известном смысле противопоставленный внешнему миру. В центре этого микрокосма находится фигура женщины.

Такое положение совершенно не случайно и восходит к архаичному, культивировавшемуся тамилами представлению об эротической в своей основе сакральной женской энергии, связанной с такими важными понятиями, как плодородие, огонь домашнего очага, приготовление пищи. Эта энергия — благо, источник процветания, жизнеспособности семьи и ее членов, однако, вырвавшись из-под контроля, она может стать опасной и разрушительной. Обладание этой энергией и умение распоряжаться ею определяют основное достоинство героини, ее добродетель, которая рассматривается как своеобразная ценность — не только внутри семьи, но и на более общем социальном уровне¹³. Все это объясняет некоторые особенности древнетамильской системы семейных взаимосвязей: центральное положение женщины внутри этой системы (о чем мы уже сказали); преобладание так называемого кросскузенного брака (женитьба на дочери брата матери), который позволяет удержать женщину внутри замкнутой семейной ячейки; высокая степень ритуализованности отношений между мужчиной и женщиной (иначе говоря, эти отношения развиваются в определенных, принятых обществом формах, которые мы можем условно назвать древнетамильским любовным канонам¹⁴).

Знание этого канона, впитанного и отраженного любовной поэзией, в свою очередь, помогает понять такие ее особенности, как

¹² Последние две поэмы имеют сложный характер, поскольку включают в себя элементы поэзии ахам. Однако тема пурам в них преобладает: одна из них посвящена восхвалению царя Чолы Карикалана и его столицы, города Каверипумпаттинама, а другая — пандийского царя Недунджежияна (хотя имя его в поэме отсутствует).

¹³ В древнетамильской поэме «Повесть о браслете» говорится, например, о том, что женщина, обладающая добродетелью, способна вызвать дождь для своего селения.

¹⁴ В поэзии антологий и поэм преобладает тема супружеской любви. Что же касается любви доброй, то она понимается в значительной мере как предпосылка к свершению брака.

сосредоточенность на семейно-брачных отношениях, отсутствие личностного начала, дробление любовной темы на ряд стандартных ситуаций, определенный набор героев и их ролей.

Роли эти раскрываются через характерную поэтическую форму монолога того или иного героя, обращенного к слушателю — другому герою, а в некоторых случаях и к своему сердцу или объектам природы (это могут быть растения, животные, луна или море). Помимо любовной пары, главных героев (совершенно лишенных индивидуальных черт и даже безымянных), которые, кстати, довольно редко обращаются непосредственно друг к другу, поэтические высказывания принадлежат подруге героини, ее приемной матери (т. е. кормилице-служанке), родной матери, другу героя, панару (поэту, исполняющему роль посредника между влюбленными), гетере и в отдельных случаях колесничному героя, стороннему наблюдателю, прохожему.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в числе «действующих лиц» родственников героя и мужчин — родственников героини (хотя ее отец иногда упоминается в стихах как сила, удерживающая героиню внутри дома и препятствующая развитию ее любви). По нашему предположению, это объясняется не только тем, что «точкой отсчета» в поэзии ахам всегда является женщина, но и тем еще, что основная коллизия периода добрых взаимоотношений героев — это отсутствие каких бы то ни было родственных связей между ними. Иначе говоря, поэзия здесь отражает драматический момент преодоления традиции кросскузенного брака¹⁵. С этим, возможно, связано и то обстоятельство, что добрый период любовных взаимоотношений героев был периодом любви тайной.

Молодые люди впервые встречаются обычно за пределами селения — в лесу, горах или на берегу моря. Оба поражены любовью с первого взгляда и посвящают в свои чувства наперсников: герой — друга, героиня — подругу. Друг сначала отговаривает героя от продолжения романа, но, видя его непреклонность, устраивает влюбленным второе свидание на прежнем месте. После этого друг сходит со сцены, и дальнейшее развитие событий, в частности определение места и времени встреч, направляется подругой. Она играет роль советчицы, утешительницы героини и осуществляет посредничество между ней и молодым человеком. Их тайные свидания и любовное соединение происходят теперь ночью и становятся все более затруднительными и редкими. Героиня начинает испытывать страдания одиночества, худеет, тело ее теряет свой естественный темный цвет, покрывается золотистым «цветом разлуки». Родные, обеспокоенные ее состоянием, желая открыть причину ее недуга, приглашают прорицателя, жреца или жрицу древнетамильского божества Муругана. Теперь подруга может намекнуть жрецу и родителям героини на то, что этой причиной является не болезнь, а

¹⁵ Своеобразной иллюстрацией этому служит, как мы полагаем, стихотворение № 40 из антологии «Курунтохей»:

Моя мать и твоя мать — какая родня?
Что общего с моим отцом у твоего отца?
Знал ли я тебя и ты меня?
Как красная земля и дождевая вода,
Смешались, любви исполнясь, наши сердца.

любовная страсть. Тогда же, обращаясь к герою, подруга намекает на невозможность дальнейших тайных встреч, описывает плачевное состояние героини и таким образом предлагает ему вести дело к женитьбе, тем более что тайная связь влюбленных уже становится достоянием распространяющихся по селению слухов.

Перед женитьбой герой отправляется на добывание «богатства», иначе говоря, выкупа за невесту, который даст возможность получить одобрение родителей героини. Другим способом получить их согласие, а точнее, даже принудить их к признанию брака является совместный побег героев из селения и пребывание их какое-то время в дикой, полной опасностей местности. Такой побег, вероятно, носил еще и ритуальный характер, знаменуя собой период совместного испытания героев перед вступлением в новую жизненную фазу.

В случае если родители не давали согласия на брак, герой мог прибегнуть к довольно странному и грубому обряду «езды на пальмировом коне». «Конем» служила ветвь пальмировой пальмы с подвешенными на ней бубенцами и кусками материи. Юношу, сажившего верхом на эту ветвь, друзья проносили мимо дома родителей героини, в то время как он, в разорванных одеждах, стенаниями и плачем пытался вызвать у них сочувствие к себе. Считалось, что если он не добивался желаемого, то ему следовало покончить с собой¹⁶.

Простой древнетамильский обряд бракосочетания делал акцент на мотивах процветания и плодородия и символизировал введение сакральной женской энергии в рамки добродетельной семейной жизни¹⁷. Однако примечательно то, что он не является ситуативным элементом поэзии ахам. Вообще момент счастливого семейного соединения героев, выражающий смысл и цель всего любовного камона, абсолютный идеал любовной поэзии, сам по себе лежит в основном за пределами этой поэзии. Стихотворения, непосредственно описывающие этот идеал, есть, но содержание значительного их большинства связано с разнообразными препятствиями на пути к его осуществлению — трудностями тайных встреч, расставаниями, разлуками, размоlvками.

В супружеской жизни героев разлуки происходят, когда герой покидает дом, отправляясь опять-таки за «богатством» или в военный поход, что, как правило, совпадает. Перед уходом герой некоторое время колеблется, не решается оставить супругу в одиночестве, но затем все же уходит, обещая вернуться к сезону дождей¹⁸.

¹⁶ Обычай «езды на пальмировом коне» упоминается в стихотворениях антологий не часто, поскольку он явно не соответствует идеалу счастливой, гармоничной любви, культивировавшемуся поэтической традицией.

¹⁷ Этот обряд хорошо описан в стихотворении № 86 из антологии «Аханануру» (собрание «Этуттохей»). Кроме того в антологии «Калиттохей» (там же) описывается свадебный обряд в пастушеском племени, который сопровождался соревнованием юношей в укрощении быка.

¹⁸ Кое-где говорится о том, что герой уходит, «коснувшись лба и волос героини». Этот жест не случаен — ведь герой удаляется от супруги — носительницы энергии, способствующей его благополучию и безопасности. Касаясь на прощание ее тела, он как бы уносит с собой часть этой благой энергии — такова символика данного жеста.

Оставшись одна, героиня вступает в особое состояние, которое мы можем назвать обетом разлуки: она прекращает ухаживать за своими волосами, заплетает их в косу, снимает украшения, не покидает пределов дома, воздерживается от активной хозяйственной деятельности, постоянно думает о муже и, разумеется, блюдет целомудрие. В это время она, как и в период тайной любви, худеет, красота ее блекнет, тело покрывается золотистым «цветом разлуки», глаза льют слезы. Особенно усиливаются ее страдания, когда приходит сезон дождей, а супруга все еще нет.

Перечисленные здесь признаки разлуки, являясь выражением внутренних переживаний, в то же время имеют несомненный ритуальный характер. Поведение героини, символизирующее опасность, которой во время разлуки подвергаются ее супруг, она сама и благополучие семьи в целом, имеет целью сохранение и накопление ее сакральной энергии, являющейся основой этого благополучия. Отсюда и происходят такие характеристики поведения, как строгость, воздержание, пассивность — одним словом, все то, что препятствует расходу энергии.

Поведение героя более просто и носит, так сказать, подчиненный характер: он думает о супруге, беспокоится за нее, спешит к ней. Когда происходит их встреча, героиня вновь распускает волосы, влетает в них цветы, тело ее обретает былую, а точнее, обновленную красоту. Так, мотивами обновления, возрождения к жизни завершается этот своеобразный домашний ритуал разлуки.

Еще одна ситуация, связанная с супружеской жизнью, — разлука в связи с уходом героя к гетере. В древнетамильском обществе гетеры играли значительную роль — например, в развитии всякого рода искусств. Дело, однако, не только в этом. Можно предположить, что герой чаще всего отправляется к гетере, когда его жена пребывает в нечистом состоянии — во время месячных, после родов — и соединение с ней невозможно. В этом случае гетера могла выступать в качестве своеобразного социального балансира, работавшего в конечном счете на сохранение семейной гармонии. Более того, в тамильском обществе гетера нередко была приближена к семье, исполняла домашнюю работу, ухаживала за хозяином дома, принимала участие в воспитании детей — это, по-видимому, следует рассматривать уже как одну из форм многоженства.

Как бы то ни было, уход супруга к гетере порождал в героине чувства обиды, ревности, соперничества. Однако все это, очевидно, не затрагивало серьезно основы семейных отношений, хотя служило поводом для ссоры. Интересно, что именно в этой ситуации находится место юмору, порой сарказму.

Описанные выше идеи и представления древних тамиллов составляют своеобразный фон, понимание которого помогает понять их поэзию, а сам любовный канон можно рассматривать как своего рода сценарий, известный и поэтам и слушателям, предусматривающий ряд мизансцен, в которых может быть произнесена речь того или иного героя. Театральная терминология покажется еще более уместной, если обратить внимание на то, что высказывания героев несут в себе отчетливые признаки диалогичности. Почти каждое лирическое стихотворение построено согласно формуле, которая предполагает общение — ответное действие или высказывание. В принципе каждому стихотворению можно подобрать парное, состоящее с ним в отношении диалога. Все это дает основание предположить,

что истоки поэзии ахам могут лежать в сфере каких-либо действий, скорее всего народных — праздничных, игровых или обрядовых, но, к сожалению, мы пока не располагаем материалами, которые могли бы окончательно подтвердить такую точку зрения.

Театральная аналогия может быть продолжена, если мы обратимся, далее, к одной из примечательных особенностей древнетамильской любовной поэзии, до сих пор нами не затронутой, — системе тем-тиней. Ее суть заключается в том, что любовный поэтический канон предстает в виде пяти основных ситуаций, закономерно сочетаемых с элементами, так сказать, декорационными, т. е. местом и временем действия, под которыми понимается определенная местность (ландшафт) со своими флорой, фауной, населением, взятая в определенное время года и в определенное время суток. Темой-тиней, собственно, и называется ситуация в ее единстве с соответствующим окружением.

Система пяти тем-тиней¹⁹ может быть представлена в своих основных чертах в виде схемы, приведенной на с. 15.

Эта система, своеобразный продукт древнетамильской поэтической традиции, не представляет собой в поэзии что-то совершенно застывшее: есть много примеров отступления от нее, случаев так называемого «смещения тиней». Но в основных связях она все же выдерживается. Было бы интересно выяснить, каковы ее происхождение и развитие, но этот вопрос требует специального рассмотрения²⁰, а мы ограничимся лишь замечанием о том, что окружение играет в стихах гораздо большую, нежели просто декорационную, роль и что связь его с ситуациями любовного канона носит закономерный характер. Возьмем, к примеру, такую важную тему, закономерный характер. Возьмем, к примеру, такую важную тему, как палей — ситуация разлуки. Тема эта подразумевает ряд событий: разлуку влюбленных в период тайной любви, совместный их побег, колебания героя перед расставанием с супругой, страдание героини в разлуке. Если мы выйдем в суть этих действий и состояний, то обнаружим, что разлука здесь должна пониматься в более общем смысле как отход, отрыв от нормы, как прохождение через некую кризисную ситуацию, через испытание — перед вступлением в новую жизненную фазу (как в ритуале разлуки, описанном выше). И этому как нельзя лучше соответствует картина (реально наблюдаемая героями или воображаемая) безлюдной и бесплодной, пораженной засухой местности, сопряженной с опасностью, страданием, гибелью. При этом надо заметить, что местность палей, как таковая, не существует и представляет собой местности муллей и куриньджи, утратившие свой благой облик в период летней жары

¹⁹ Существуют еще две темы-тиней, выпадающие из схемы, потому что они, во-первых, лишены какого-либо природного окружения и, во-вторых, не соответствуют идеалу равной и счастливой любви: кайккилей (неразделенная, односторонняя любовь) и перунтиней (чувство, переходящее границы нормы, всякого рода эксцессы). К последней теме относится, например, обряд «езды на пальмировом коне».

²⁰ См. более подробно об этом статью: А. М. Дубянский. О мифопоэтических началах древнетамильского поэтического канона. — Литература и культура древней и средневековой Индии. Сборник статей. М., 1979.

Тема-тиней	Местность (ландшафт)	Бог-покровитель местности	Сезон	Время суток	Население	Ситуация
1. Куриньджи	Горные леса	Муруган	Холодный	Ночь	Горные охотники	Любовь с первого взгляда, тайные встречи
2. Муллей	Холмы, леса, пастбища	Тирумаль (Вишну)	Начало сезона дождей	Вечер	Пастухи	Терпеливое ожидание мужа, обряд разлуки
3. Нейдаль	Морское побережье	Варуна	Сезон непредсказуемых дождей	Вечер	Рыбаки	Страдания в разлуке
4. Марудам	Плодородные долины рек	Индра	Лето	Утро	Земледельцы	Супружеская разномыслие
5. Палей	Пустынная местность	Коттавей (богиня войны и победы)		Полдень	Кальварии (племя грабителей)	Разлука

(т. е. отступившие от нормы — перед возвращением к ней с началом сезона дождей).

Таким образом, природное окружение может играть весьма активную роль в выявлении основного смысла ситуации, а вернее, раскрывая этот смысл в ярких природных образах и картинах: лесас муллей, бурно расцветшие в сезон дождей, символизируют целоса муллей и предвосхищают расцвет и обновление ее красоты; мудрые героини и превосходят духом Муругана — божества горгорные леса куриньджи наполнены духом Муругана — божества горгорных племен, — который покровительствовал влюбленным; плодородные земли марудам оттеняют ту сторону семейной жизни, что такне связана с плодородием (чадородием) — в противоположность пугстой, бесплодной связи героя с гетерой (для образности поэзии марудам характерно уподобление, явное или скрытое, бесполезному). Что же касается неидеаль, то эта тема-тиней представляется нам несколько эклектичной, соединяя в себе ситуативные элементы куриньджи, муллей, палей.

Поэзия ахам сосредоточена в антологиях: «Аханануру» («400 стихов ахам», от 13 до 31 строки), «Наттриней» («Благие тиней», 401 стихотворение, от 9 до 12 строк), «Курунтохей» («Сборник коротких стихотворений», 402 стихотворения, от 4 до 8 строк), «Аингурунуру» («500 коротких стихотворений», от 3 до 5 строк), «Калиттохей» («Сборник стихов, написанных размером кали», из 150 стихов, от 11 до 80 строк) — из собрания «Этуттохей»; из собрания «Паттуппатту» к этой поэзии принадлежат поэмы «Куриньджи», «Песнь на тему куриньджи» Кабила, 261 строка), «Муллейпатту» («Песнь на тему муллей» Наппудана, 103 строки); поэмы «Паттинапалей» и «Недунальвадей»²¹, о которых уже говорилось выше, имеют, так сказать, двойную принадлежность (к ахам и пурам).

Геронко-панегирические и любовные темы определяют основное содержание поэзии антологий и поэм, но его не исчерпывают. «Поэзия санги» содержит еще два произведения, до сих пор не упомянутых: антологию «Парипададь» — 33 стихотворения, написанные размером «парипададь» (от 32 до 140 строк) и поэму «Тирумугу-гаттруппадей» Наккирара («Наставление на путь к Муругу», 317 строк). Это — образцы ранней тамильской религиозной гимновой поэзии.

«Парипададь» содержит гимны, посвященные Тирумалу (Вишну), Муругану и реке Вайхей (на которой расположен Мадурани)²².

²¹ Смешение элементов ахам и пурам — явление в стихах редкое, причем один из элементов всегда носит подчиненный характер; образы и приемы поэзии пурам используются, чтобы усилить те или иные идеи поэзии любовной (см. «Аханануру» 93), с другой стороны, форма стихотворения ахам может скрывать элементы панегирика (как в «Аханануру» 65) или же быть фактически панегириком. Так, в основе поэмы «Паттинапалей» лежит типичная ситуация палей: герой говорит супруге, что не сможет ее покинуть, даже если получит в дар такой богатый город, как столица царя Чолы Карикалана — порт Каверипумпаттинам, хвалебному описанию которого по существу и посвящена поэма.

²² Поклонение рекам, источникам — один из характерных моментов религиозной жизни тамил.

Поэма Наккирара, перевод которой дается в этой книге, восхваляет Муругана.

Куль Муругана (или Муругу), очень древний на юге Индии, имеет довольно сложный характер и являет собой наложение нескольких культов и представлений. В нем можно выделить по крайней мере три слоя: во-первых, обожествление производительных сил природы, энергии жизни («муругу» означает «молодость», «красота», «аромат», что вызывает в памяти картину расцветшего с приходом дождей, зеленеющего после засушливой жары леса); во-вторых, Муруган — бог войны и охоты у некоторых племен (в первую очередь кураваров, горных охотников); в-третьих, Муруган — это бог войны Сканды (Субраманья, Карттикея, Кумара), сын Шивы, и, как таковой, он включается в общендийскую шиваитскую традицию, в мифологию индуизма.

Поэма, приписываемая Наккирару, дает почувствовать сложный характер Муругана и подчеркивает его, если говорить обобщенно, двойной статус — местного божества и одного из богов индуистского пантеона. Прекрасно показаны в ней формы экстатического богочинания, присущие культу Муругана: женские песни и пляски, шаманские танцы («вериядадь» — танец исступления, безумия), кровавые жертвоприношения. В этих формах выражается дух непосредственной, чувственной любви к божеству, тот дух, который пронизывает и более позднюю (VI—XII вв.) религиозную поэзию тамил (шиваитскую и вишнуитскую), называемую поэзией бхакти (слово «бхакти» подразумевает эмоциональное соединение с богом). Поэме «Тирумугу-гаттруппадей» считается на юге одной из поэм в русле бхакти и включается в один из «Двенадцати священных сборников» шиваитской гимновой лирики²³.

Традиция древнетамильской лирики, возникшая как будто внезапно незадолго до нашей эры, так же внезапно и прервалась к IV в. Об этом веке, называемом обычно «темным», нам известно очень мало. Затем, в V в. картина духовной жизни Южной Индии, если судить по дошедшей до нас литературе, оказывается значительно измененной: идеалы и ценности «поэзии санги» явно устаревают, на первое место выходят идеи буддистов и джайнов, активность которых в это время возрастает. Однако вскоре они терпят поражение в борьбе с индуизмом, порождающим мощную традицию религиозно-гимновой поэзии (уже упомянутую), которая начиная с VI в. становится на юге Индии доминирующей.

Все упомянутые религии в своих литературных проявлениях в той или иной степени заимствуют и переосмысливают некоторые идеи, образы, формы ранней тамильской традиции, однако сама она прекращает свое живое существование, забывается, но все же трудами безвестных переписчиков неприметно передается из поколения в поколение. Лишь в конце XIX в. с ростом национального самосознания тамилы у них возникает интерес и к своему древнейшему прошлому. Усилиями некоторых энтузиастов тамильской культуры

²³ Традиция рассматривает эту поэму как произведение раннее, созданное в начале «эпохи санги», однако, скорее всего, она лежит за ее пределами, в VI или VII в. Окончательного решения вопроса о ее датировке пока нет.

(в первую очередь У. В. Свамнатхияра и Дамодарама Пиллаи) рукописи древнетамильской поэзии были обнаружены, отредактированы и опубликованы. Так произошло второе рождение этой поэзии, в результате которого она заняла свое место в общей картине древнеиндийской литературы.

В настоящее время «поэзии санги» посвящается немало исследований и в Индии, и за ее пределами, но до сих пор в ней много неясного и даже загадочного. Одним из самых важных вопросов, связанных с ней, является вопрос о ее происхождении и связях с другими поэтическими комплексами, т. е. с санскритской поэзией и поэзией на пракрите — в первую очередь махараштри, на котором создана антология Халы «Гахасаттасаи» («700 строф»). Есть возможность, скажем, предполагать общность происхождения тамильской поэзии и поэзии на махараштри на почве некой весьма ранней культурной традиции, развивавшейся на Декане. В самом деле, сходство между ними иногда поразительно, но вопрос о том, какова его природа, требует еще дальнейшего изучения.

Настоящий сборник ставит своей задачей познакомить (впервые в таком объеме) советских читателей с древнетамильской поэзией²⁴. Мы старались отобрать для перевода произведения наиболее яркие, дающие образцы характерных идей и форм и наиболее полно представляющие поэтический канон. К сожалению, в полной мере сделать это оказалось невозможно — выбор был слишком велик, но мы надеемся все же, что читатель почувствует и оценит красоту и своеобразие тех стихотворений, которые собраны здесь.

В заключение мы хотим принести благодарность г-ну Пурнаму Сомасундараму за регулярную помощь, которую он оказывал нам в работе над поэтическими текстами.

²⁴ См. также переводы А. Ибрагимова, опубликованные в кн. «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» (Библиотека всемирной литературы). М., 1977.

А. Дубянский

ПОЭЗИЯ ПУРАМ

ПУРАНАНУРУ

№ 312

Сына родив, взрастить его — мой долг,
Благородным воином сделать — долг отца,
Копье выковать и вручить — долг кузнеца,
Процветанье благой страны — царев долг,
В трудном сраженьи блещущий меч иступить,
Слонов сокрушать, полем битвы идти — воина долг.

№ 22

О ты, дающий защиту военному лагерю,
Который раскинулся вольно, не зная другой защиты;
В котором бушует, как воды моря,
Неистовый куравей — танец воинов гневных,
Простоволосых, увешанных листьями пальмы пальмировой,
Украшенных золотом и боевыми гирляндами;
В котором разносится на просторе
Шум цепов, молотящих рис,
И возрастает всевозможное изобилие,
Как на поляне, где происходит праздник,
Под навесом из ровных стеблей сахарного тростника,
Крытых колышущимися рядами красного риса;
В котором мирно спят не имеющие мечей
Под сенью украшенного гирляндами белого твоего зонта,
Подобного полной луне, обитающей в небе,
От века чистой, льющей потоки лучей;
В котором стоит, привязан к столбу,
Молодой слон, громадный и сильный,
С хоботом плавным и величественной походкой,
С высокими бивнями, на которых качаются колокольцы,
С яростными глазами во лбу полумесяцевидном,
Гладкостопый, толстошей, большеголовый,
Источающий из раны в затылке сукровицу,

Испускающий запах, приманку назойливых пчел,
 Как холм, испускающий запах медовый.
 О славный воин, владеющий вершинами Кóлли!
 Ты, с подвластных царей собираемой данью
 Обогащающий тех, кто предан тебе, и родичей их,
 О вождь, у которого взор — как взор боевого слона!
 Да богатеет без меры твоя, о великий, казна!
 О царь, обладающий даром давать не скупясь
 Тем, чья искусная речь воспеваешь тебя,
 Никому другому хвалу вознести не смея!
 Услыхав, что страна под защитой Мándарама Чералирумборéя
 Подобна миру богов, я пришел
 И увидел картину сладостную, о великий!
 Армию неумоимо ведешь ты на завоеванье
 Других земель, добывая своей стране пропитанье.

№ 26

Словно корабль, который рождает водоворот,
 Когда он плывет над пучиной огромного моря,
 Проходит слон боевой, распахивая поле битвы.
 О Сэжиян, войны ведущий ужасные, ты на просторе,
 На котором раскинулась битва, поднял копье,
 Заостренное блещущим лепестком, и стал покосить.
 Поле битвы, чтоб сгнуло царство врагов,
 И захватил, порождая молву, барабаны у них
 И жертву принес на поле битвы;
 Там на очаге из царских голов
 Стоят сосуды с мясом и кровью, и в них
 Помешивают, как ложками, обручками рук в браслетах.
 О царь с мечом, искушенным в победах,
 Свершивший жертвоприношение, существующее искони,
 В окруженье покорных царей и первых в четырех Ведах,
 Тех, что сдержанностью обладают, знанием и глубоким умом, —
 Стратотерпы, видно, враги твои, ибо они,
 Имя «твои враги» получив,
 Хоть и погибнут, жить будут в мире том.

№ 18

О потомок могучих, свою утвердивших славу
 Тем, что взяли под стопу свою мир просторный,
 Окруженный трехводным грохочущим океаном,

Исправили единовластно, —

Пусть огромности твоя жизнь достигнет
 Вдесятеро величайшей десяти миллионов!
 О царь, о владыка мощного древнего града,
 Защищенного стенами, высотой грозящими небу,
 И глубоким рвом с бородавчатыми сомами,
 И миногами тонкими, и толстыми змееголовами,
 И мечевидными рыбами, хватящими цветы кáнджи
 С веток, свисающих в воду.

Если ты хочешь владеть богатствами того мира,
 Если, разбив крепкую статью в этом мире царящих,
 Единодержавно властвующим быть захочешь,
 Если желаешь, чтобы хвала тебе постоянно звучала,
 Выслушай подходящий совет, о обладающий многим!
 Кто дает иссохшему телу еду,
 Тот жизнь дает.

Еда есть начало всего для комочка пищи, коим является тело.
 То, что зовется пищей, — это вода в смешенье с землею.
 Тот, кто соединяет воду и землю,
 Тело и жизнь создает.

Сколь ни обширна была бы засеянная,
 Но необходимая, ждущая ливня земля,
 Это владыке, усердному даже, в деяньях его не поможет.
 Так что, о Сежиян, войны убийственные ведущий,
 Поскорее расширь в низинах хранилища влаги.
 Тот, кто воду удержит, удержит и славу в мире,
 Кто воду с землей не свяжет, славу с миром связать

не сможет.

№ 34

Для тех, добродетели чуждых, кто вымя коровы отрезал,
 Для тех, кто плод убивает во чреве прекрасных женщин,
 Для тех, кто жесток и непочтителен к брахманам,
 Есть искупление там, где проверяют грехи.
 Но даже если земля сдвинется с места, тому,
 Кто благом на благо не отвечает, спасения не найти, —
 Это, о муж, изяшноукрашенной, утверждается дхармой!
 Если в сумерках утренних, как и в вечерних сумерках,
 Стопы твои восхвалять — победные, крепкие, славные —
 Не стану песней: «Пусть здравствует повелитель наш Вáлаван!
 Пáнаров, у него наевшихся жирного риса,

И родичей их, набросившихся на жареных зайцев
 И лакомящихся молоком вместе с рисом и медом
 И просом целинным, схожим формой с яйцом голубиным,
 В просторном месте собраний, в тени ветвистой ююбы, —
 Одаривший богатствами, которые не исчезнут,
 С открытой душой сказавший им желанное слово! —
 То в путь восходно-закатный владыка многолучистый
 Не отправится. Я же беден: в этом громадном мире
 Пока существует благо — деянья людей великих,
 Да проживешь ты больше лет, чем видишь капель, летящих
 Ливнем из темных туч, скапливающихся в Гималаях
 И над землею сладостным голосом говорящих!

№ 41

Даже смерть знает срок свой, о царь! Ты же срока не ждешь
 И победные войны, где хочешь, ведешь,
 Наноси поражение владыкам ощеренных копьями армий.
 Метеоры с восьми сторон света срываются вниз,
 Исыхают стволы, не распутаться прутьям безлистным,
 Все пронизано солнцем смертельнолучистым,
 Пробирает от выкриков птичьих по коже мороз,
 Зубы падают наземь, масло скатывается с волос,
 С тел одежды соскальзывают, мечется вепрь, потревожен,
 Дорогое оружие само выпадает из ножен.
 О герой, наяву затевающий битву, которой
 И во сне не увидишь. Обращают в смятении взоры
 Беззащитные жители в дали, откуда идешь ты,
 И, целуя цветочные очи своих сыновей,
 Проникаются ужасом за обреченных детей
 И горе скрывают от жен. О великий вонтель,
 Прохождение твое по стране, заслужившей столь тяжкую кару,
 Разносимому ветром подобно пожару.

№ 50

Когда я прилег на ложе, усыпанное цветами,
 Белыми, словно масло, с которого сняли пахтанье,
 На ложе, так приготовленное для наводящего ужас,
 Алчущего крови военного барабана,
 С помощью длинных ремней скрепленного безупречно,

Стоявшего в ту минуту на омовенье, чтобы счистить
 Грязь с боков и украсить ужинею золотистым
 И сапфирами, яркими, как пятна хвостов павлиньих, —
 Свой меч, рассекающий надвое, поднятый, чтоб уничтожить
 Меня, о святости ложа не ведавшего, не опустил ты.
 Этого одного довольно, чтобы узнала
 О тебе вся земля благого тамильского языка,
 Но ты был щедрей, подошел, и надо мной закачалась
 Твоя барабаноподобная, навеяв прохладу, рука.
 Не потому ль ты так поступил,
 Что слышал, о повелитель могучий,
 Что в мире высоком лишь те обитают,
 Кто в этом мире добудет славы,
 Достигающей дальних пределов державы?

№ 105

О вйрали чистолобая! Прекрасные украшения
 Получишь ты, если отправишься и воспоешь
 Пары, чья жизнь превосходит сладостью воды
 Потоков, с высоких вершин бегущих по склонам
 Между бамбуковых лестниц сборщиков меда;
 Текущих в руслах своих по возделанным пашням
 Независимо от того, льет или мимо проходит ливень,
 С прохладными каплями смешивающийся на темнолепестковых
 Новых цветах лилий, над которыми выются пчелы,
 Лилий, раскрывающихся в просторных водоемах.

№ 70

«О панар, с маленьким йалем, медовострунным, сладостногласным,
 С барабанчиком киней на тонкой ручке, темнобоким
 и светлоглазым,
 Схожим по виду с на прут насаженной черепахой, в пруду
 обитающей,
 Одари взором приятным и отдохни здесь!» — так говорящему
 Тебе, о даянья взыскующий, мудроречивый и вопрошающий,
 Куда идти, — так скажу: добрая слава Кйлли Валавана,
 Вонтеля, чья земля производит оба вида целебного снадобья,
 Где в просторных домах не кончается пища, сколько ее ни вкушай,
 Как в водоемах прохладных — вода в месяц дождливый «тай»,

Так вот, если пойдешь к нему,
В путь отправясь с вирали сладкоулыбчивой,
Лоб которой блистает и волосы благоухают
Бегонией, росшей в селе́нье Пáннана, чьи руки могучи даяньем,
Где над кувшинками серебристыми
Жужжат летуны шестикрылые, влекомые ароматами,
Знай, что дары его — не случайность, вроде нежданных щедрот
Леса, когда дровосеки золото в чаще находят, —
Раздумывать тут не надо. Стопа его — да живет!

№ 164

Когда в очаге высоком, о варке пищи забывшем,
Плесень цветет и муки голода столь сильны,
Что со сморщенной из-за того, что молока нет, кожей
Дряблую грудь пустую с закрывшимися сосками
Плача берет ребенок, глазками встретясь с глазами,
Полными слез, влажновекими, прохладными — моей жены,
Я, горе ее такое видя и вспомнив тебя,
Сюда прихожу, о Кúманан, ведущий благие войны!
Если узнаешь ты о моем положении,
Не откажусь от принятия даров твоих и тогда,
Когда нищету одолею, — ты ведь тоже
Из рода певцов происходишь, из тех, кто сокрушает лишенья,
Кто обладает дивными барабанами и превосходным
Иалем с пучком гармоничных струн и в чехле, из кожи.

№ 175

Живи, о наш отец Аданúнган!
Кто сердце мое откроет, тебя в нем увидит,
И если тебя я забуду, то мгновение, когда забуду,
Будет мгновеньем, когда дыхание мое расстанется с телом;
Если себя забуду, тогда лишь забуду тебя,
О средоточие дхармы, тебя, кто всегда и повсюду
Благодеянием многих одаривает любя,
Словно громадный лучистый диск,
Пред тем как выйти, глядящий на мир в прорез,
Сделанный крепкоспицами колесами Ма́урьев,
Чьи копыта победоносны, чей зонт коснулся небес.

№ 204

Презренно выпрашивать «дай»,
Но презренней на это «не дам» отвечать.
Благородно «бери» предлагать,
Еще благородней в ответ «не возьму» восклицать.
Жажда, станет ли кто-нибудь пить
Из широкого, с чистой водой, шумноволного моря?
К роднику же проторено много дорог,
Хоть и мал он, и струи замутнены,
Оттого что коровы здесь пьют и слоны.
Кто надеялся что-нибудь в дар получить от тебя,
Просчитавшись, не гневается, но винит птиц и сроки.
Так и я поступлю. Славен будь, Ори!
Ибо щедр ты, как в небе темные облака,
Из которых льются безудержной влаги потоки.

№ 228

О гончар! О гончар!
Из селения древнего, где над печами для обжига
Дым столь обилён, что, кажется, темень сгустилась
В небе огромном, — о несчастный гончар!
Ты жалости ныне достоин! Что тебе делать, если
Начальник войск, протянувшихся до самых границ земли,
Потомок нелживо хвалимых поэтами мудрыми
Сэжиянов, чья слава сияет вблизи и вдали,
Как встающее солнце, отбрасывающее лучи,
Владелец слонов, над которыми раскачиваются знамена, —
Великий Вáлаван
Мира богов достиг!
Урну, просторную столь, чтобы вместила такого,
Коль ты пожелал бы создать и даже использовать мог
Землю как круг гончарный и громадную гору как глину,
Разве бы из этого вышел какой-нибудь прок?

МАДУРАЙККАНЬДЖИ

В окруженном ширью гремющей
Вод тройных, вздымающих волны,
Мире вольном, где к склонам горным
Соты лепятся, медом полны,
Там с небес дуют ветры вправо,
Двигутся верным путем созвездья;
Блещут красное солнце дня
И луна серебристая ночи;
Помогает дождь земледельцам;
Прощевают все стороны света;
Всходят тысячекратно травы;
Плодоносят земля и деревья;
Боль смирив, красота сверкает;
Слоны высятся величаво,
Им легко поддерживать землю;
Непреходящую сладость глазу
Безущербное сущее дарит:
Этим миром хвалимых веками,
Управлявших вместе с благими
Их советниками, что жили
На широких, с большими домами,
Улицах, лжи не знали и были
Знамениты правдой речей, —
О великих потомок царей!

Жир слонов, нанизавших на бивни
Трупы, с губ дьяволиц стекает,
Чей неистовый танец тунангей
В пляс обрубки тел увлекает;
Здесь, на поле сраженья страшном,
В отвратительном очаге,
Сложенном из мужских голов,
Яркая, на яром огне,
Могучих царей закипает кровь;
Руки, что мужественны и крепки
И браслетами блещут, чудовище-варщик
Искусный, используя как черпаки,
Из плоти вареной для воинов стойких
Готовит жертвенное угощенье; —
Лишь древний бог, могучий воитель,
Войска сквозь такие поля сраженья
Ведущий Южанин — выше тебя,

О гор, с ручьями по склонам, властитель!
С пластинами блещущими и покрывалом
На лбу, от ярости опьянев,
С головой, источающей мускус,
Высотой горе подобный
Слон, искусный в войне, взрывает
Поле битвы, являя гнев;
Многоцветная пыль, конями
Поднятая, свет неба скрывает,
Стремителен их галоп, и колесницы,
Словно ветер, сильны и быстры,
Доблестные меченосцы победу
Добывают своими руками; —
В этой битве ты обладаешь
Мощью, достаточной для покоренья
Двух царей и правителей многих,
Мощью, одолевающей горы
С ручьями сверкающими и пустыню,
Ты — Недийона, который стране
Помог даяньем земли, отчего
Хор славословий ему столь громок,
Златогирляндного — о потомок!

Жрушей деревья, дробящей горы
Громовой молнии ты подобен!
В обнесенные рвами глубокими
Вкруг роц густых и вратами высокими
И стенами со множеством башенок,
В поливающие острыми стрелами
Крепости неотвратно вступавший,
Их захватом славу снискавший,
Ты, от южного мыса Кумари
До великих северных гор,
От восточного моря до западного
Всеми издревле повелевавший,
Ты — прославленных ратным трудом
Победителей — стал царем!

Волны гнущие рвущихся в небо
Вод тройных океана темного
Рассекая, суда легкоходные,
Ветром к берегу подгоняемые,
С парусами на мачтах высоких,
Сладкозвучно гремя барабанами,
Разгружают стране на потребу

Златоносную кладь огромную,
Подплывая, как тучи к горе,
К беспокойному рейду бухты, —
Этот город, как рвом глубоким
Окруженный морем открытым,
Эту «Рисовую обитель»
Покорил ты, о победитель!

Громкое пенье стоящих рядами
Работников, черпающих воду;
Скрипенье связанных крепких кижаров
С движущимися один за другим ковшами,
Поля обводняющими влагой прудов;
На молотбе колокольцы быков;
Крики стай, сгоняемых с нив;
Шумный кúравей дев-рыбачек
На песке близ сапфирного моря —
Все в едином сливается хоре
И летит к площадям для празднеств,
Где стада слонов и слоних
Блестящебивневых, устрашающих
Дарились воинам барабаноруким,
И лотос золотой надевался на них
Осыпавшими множеством украшений
Предводителями Кудды великой,
Тебе подчинившимися, о владыка!

Там, где хотя и прячет дожди
Небо в зной, раскаляющий камни,
Где даже если собьется с пути
Звезда рассвета, — не иссякают
Реки и урожай будут расти:
Там шелест риса, гомон жнецов,
Крики птиц и всегдашний скрип
Рыбачьих лодок, по океану,
В водах которого, пахнувших рыбой
Сырой, грызутся шумно акулы, —
Лодок, плывущих к песку лунно-белому
На берегу, где рощи пандановые,
С плодами, похожими на барабаны,
Полны прохлады и дождевого гула;
Голоса торговцев серебристой солью,
Добываемой в грязевых ямах; —
Так звучит Мудувеллилей,
Урожаем тучнеющий новым,

Где малых сел великие труженики,
Богатеющие двояко,
Вместе с жителями четырех земель
Издревле твоим управляются словом; —
Слетевший как ветер, огнем погубивший
Врагов, в Аланганаме их разгромивший,
Поле битвы вспахавший, царей подчинивший,
Захвативший их барабаны, принесший
Жертву битвы, о царь, почет заслуживший!

Приближая дружественных тебе князей,
Отдаляя враждебных, ныне любим ты
В Кóркее, граде благом, величайшем,
Который славы своей достоин,
Где есть кварталы ловцов жемчужин
Созревших и раковин ярко блестящих,
А также улицы низких сословий,
Хмельной калй пьющих, о храбрый воин!

Сокрушающий ненавистных врагов,
Захватчиков, истязателей, едоков
Риса с кусками жирного мяса,
Деревенщин, чей груб язык,
Чьи руки пахнут рыбой сырой, —
Смиряющий парадаваров, о бык!
Труд обретеня легко свершая,
Что обрел — легко расточая,
«Остаться бы здесь!» — нигде не сказав,
Сквозь горные чащи, где воды прохладны,
В край вражеский вторгшись, крепости взяв,
В стране, которой желаешь лучшей
Доли, ты пребываешь — о царь могучий!

В земли исконных врагов вступив,
Защитные рощи их разорив,
По благодатным прохладным угодьям
Сверкающим диким огнем ты пасешься;
Где было густо — там стало пусто;
По тропам коровьим гуляют тигры,
На месте сел — нищета разоренья,
Скромные девы с браслетами яркими
Тунангей забывают и кúравей,
На полянах, где мудрецы сходились,
Бродят злобные демоницы,
Раздвоенноногие, жестокоглазые;
В селеньях — приютах богов домашних —

У калиток, где земледельцы
Собирались,— скорбя причитают жены;
Процветавшие семьи чахнут и ищут
У родичей благополучных крова;
Средь развалин домов высоких
Филин кричит и хохлатые совы;
Обильные лилиями водоемы
Заросли сорняками в рост слоновий;
Нивы, тучными вспаханные быками,
Терпят от кабанов мохнатых урон;
Пустошью стала земля врагов,
Нарушив твое слово — закон.

Хоботоруких, громкоголосых,
Высокобиневых, мощноногих,
Сильногневных слонов разогнав,
С войском, раскинувшимся словно море,
Во вражеский край, как Муруган, входишь,
Так что грохот летит до небес широких;
Словно ливень, сыплются стрелы;
Конница пыль взметает; звучат
Раковины, рога трубят;
Страну и славу врагов губя,
От союзников их отрезав, крепости взяв,
Побеждаешь — и следуешь твоему пути
Они, столь прогневавшие тебя.

На древнем круге земном пребывая,
Путь предков храня, путь дхармы являя,
Ведя себя так, как и должен вождь,
Возрастай, как вставший на западе месяц,
Ты и твоя победная мощь!
Как ущербная на востоке луна,
Будь сила врагов твоих истощена!
Ты верен правде, хотя бы сулила
Ложь амриту и жизнь в вышнем мире.
Хотя б обитатели высшего мира
И этот мир, ограниченный морем,
Грозили тебе, ты не станешь покорен.
Хотя б от Вánана получил ты
Сокровища южной горной страны,
Не скажешь: «Пусть хоть хулят нас, хоть хвалят!»
Ибо тебе, сокровища щедро
Дающему, славословья нужны.
Что с твоей, о великий, сравнится державой?

О ведущий убийственную войну,
Да живи! Да сгинут твои тревоги!
Да наполнится мир твоей сверкающей славой!

В неубывающе-изобильных,
Не оскудевающих жирной пищей
И несравненным вареным рисом,
Не иссякающих крепким тóдди,
Не беднеющих разную товаров,
Ослепляющих землю блеском
Драгоценностей чудо-дворцах
Вирали, словно йаль, поющим
На запястья браслеты надев;
Слонов раздав — на радость пánарам
И крепости — царям союзным на радость;
На земли врага обрушив свой гнев;
Вещателям блага, в дверях толпящимся,
Труд ратный мечей с утра прославляющим,
Коней с колесницами раздарив;
Сияющими цветами украшенных,
Умашенных после битвы сандалом,
Воителей славных к себе приблизив; —
Те, осушавшие чаши тóдди;
Непокорных смиравшие, чтобы покорные
Шли за ними и дань платили;
Разбивавшие станы за стенами,
Недоступными коршунам, где большеглазых
Бой барабанов слышен с зари;
Пребывавшие в странах, каких хотели,
После войн, завершенных победно,
Правившие под гром барабанов цари,
Многокопейные, числом превзошедшие
Песок океана трехводного, темного,
Быющего в берег, — прошли бесследно.
И поэтому так я скажу:

В западном море набрав воды,
Над восточным созрев, день путая с ночью,
Чтоб на высях скопилась вода и в низинах,
Чтоб звенели ручьи там, где выкопан кáваль,
Чтобы зябли слоны средь бамбука на круче,

Над горами гремя, расплзаясь по небу,
 Ливнем хлынула — ливнем брюхатая туча.
 И, погнав на восток вал бурлящей воды,
 Стал вздуться поток, заливая пруды,
 В чьей сверкающей влаге, как в поле, где злаки
 В рост слона, вырастают колючестеблистый
 Лотос огненный, вверх поднимающий листья,
 Душный нёйдаль и пестрая лилия амбалъ
 Рядом с лилией синей, в окруженье влекомых
 Ароматом цветения пчел, — и в таких водоемах,
 Сладкий сон водяных куропаток прогнав,
 Сквозь выюнок прорываясь и черпая крупную рыбу,
 В ценах сведущий, с крепкоузельной сетью рыбацъ,
 Шумно мелкую глушит средь зарослей трав;
 Грохот сахарных прессов; речь выпалывающих сорняки;
 Стонет в грязной трясине увязнувший бык;
 Понукающих, каля напившихся пахарей слышится крик;
 На рисовом поле, где ярко зацвел пахандрей,
 Ровный гул барабана жнецов крепкорукых;
 На омытом дождями прохладном холме Парангундрам
 Ликование празднеств; веселье в собрании дев,
 Что танцуют, венки и гирлянды надев; —
 Эти звуки благие к просторной летят вышине.
 Там слышны крики цапель с растущих близ дома дерев,
 Чистят рыбу в селениях панафов там,
 Там угожья прохладные марудам. Так — в одной стороне

Торчат колоски чумизы, чернеют зерна сезама,
 Зреют метелки темные черностебlistого проса,
 Драгоценным камнем сверкают глубокие ямы,
 В джунглях разросшихся золото выступило на поверхность,
 Скачут изящноголовые, прелестные, ясноглазые
 Антилопы с самцами, под сенью кондрёв в цвету;
 Напоминая холмы, что вдруг обрели красоту;
 На каждой сапфироцветной возвышенности травянистой
 Яркие, Велли подобные, раскрывшиеся бутоны
 Муллея и мусундея разлетаются, опадая;
 Нёйдаль, водорослями оттеняемый, во влаге чистой
 Прудов, как сапфир, зацвел (так что красой наравне
 Стали они с украшенной поляной для танца велана)
 В краю лесистом муллей — в другой стороне.
 На месте рощ ароматных посеянный горный рис
 С короткими колосками, стебли белой горчицы
 В сплетении с дикорастущим белым рисом, шафран,

Вверх тянущийся имбирь рядом с перцем зеленым
 И прочие злаки благие произрастают по склонам;
 Стук сторожей, охраняющих просо от попугаев;
 Крики жителей леса, что гонят лесных коров,
 Пасущихся средь распутившегося аварея сапфирного;
 Возня при убийстве матерого кабана, провалившегося
 В выкопанную горцем яму, сверху прикрытую;
 Шум оттого, что девы с ветвей темнотвольного вёнгя
 Собирают охапки благоуханных цветов;
 Тигр, задирающий черного кабана; — все это вместе
 С журчаньем ручьев серебристых эхо ущелий вдвойне
 Делает более звучным — в горной, мрачной, черностеблистым
 Куриньджи расцветающей еще одной стороне.

Разросшийся новый бамбук острым огнем попалён;
 Изнуренный, бредет в поисках пастбища слон;
 Словно игру начинают шумные музыканты —
 Трещат суставы бамбука, гладкость его погибает;
 В лишившихся влаги, темных, красу потерявших горах
 Над подобной соломе, выгоревшей травой
 Прекрасного леса западный, тяжело крутящийся ветер,
 Вылетев из расселин, шумит как морской прибой;
 В хижинах, крытых листьями, на шкурах оленьих спящие,
 В ветках, сплетенных из веток, юноши груборечивые,
 Взяв лук, на дорогах проходим злую готовят встречу —
 Там, где холмы пустынные в знойной лежат тишине,
 В называемой палей еще одной стороне.

Жемчугом лучезарным из гремящего моря;
 Браслетами, что из раковин, рассеченных клинком, нарезаны;
 Дарами рыбацкого промысла и серебристой солью,
 Сладко-кислой, добытой из грязевых варниц;
 Рыбой, разделанной жителями прибрежных холмов песчаных
 На жирные ломти, похожие на глаз барабана туди; —
 Всем этим груженные, ладные, испытанные корабли
 Снарядив, а суда, в других снаряженные странах,
 Встретив, — известная редким богатством, из рода в род
 Скакунами и всеми другими благами земли
 Славится сторона нёйдаль день за днем и за годом год.

Пять этих краев являют свою красоту в стране,
 Где на местах открытых барабаны гремят,
 Где постоянны празднества, где тунангей пляшут и куравей,
 Где средь улиц широких селенья плывет аромат
 И радующиеся урожаю веселые толпы шумят.
 Посредине же этой благословенной страны

Вдоль берегов, на которых по склонам гор обезьяны
Скачут, и в чащах густых павлины кричат,
А в рощах, теснящихся выросшими до небес
Деревьями, ветер шумит и мартышки играют,
На песке же сребристом, движущейся водой
Выброшенном, раскинулись кущи и цветники,
И падают цветы конгу, осыпаясь пылью,
И плывут, как гирлянда, в струях благого течения
И в блещущих черным песком затонах Вайхей-реки,—
Вдоль этих-то берегов, средь пышных прохладных цветов,
Существуют издревле панаев поселения.

Тех, кто утратил земли, подобные краю Ажумбил,
Угодья которого и богатства необозримы,
Которым владел Манабиральвель со сверкающим луком;
Тех, кто лишился работников по деревням плодородным,
Тех, что враждуют издревле, тех, кто пришел с оружием,
Слонами владеющих мощными, воинственных тех царей,
Барабаны свои побросавших средь ратных полей,
Их, присмиривших, видели, на удаляющиеся их спины
Взирали поднебесные, со множеством башенок, стены
Над сапфирной водою рвов, уходящих в земные глубины,
И боевые ворота, умащенные маслом, черные,
Хранимые древней силой анангу, крепкоопорные,
С проходом, движение в котором подобно Вайхее,
Под зданьем надвратным — подобьем горной в тучах вершины,
И тянущиеся к небу дома высоты различной,
Где слышится шелест в окна влетающего ветерка,
Смешивающийся с гомоном многочисленных толп,
Текущих вдоль длинных широких улиц, словно река,
И с возгласами глассатаев, ударяющих в барабаны,
Как будто на море трехводном поднялся ветер могучий,
И с громкими криками тех, кто радостно пляшет
Под звук музыкальных орудий, как плеск водоема, певчий.

На дневной и ночной базарных улицах многокрасочных
Подняты в предвкушение праздника яркие флаги;
В честь многих побед над мощными крепостями разноименными
Вздвигаются каждый день благие яркие флаги;
Армию, копьями блещущую, словно море шумящую,
Плотью поля покрывшую, слонов боевых разогнавшую,
Прославляют ввысь поднятые достойные мощи флаги;
В местах ликования винопитцев развешаны флаги; —

Нет числа ярким стягам и на крепких древках знаменам,
Трепещущим, словно ручьи, по горным бегущим склонам.

Подобные кораблю, попавшему в водоворот
В просторе морском — вместилище рыбы паней и раковин —
Когда поднимается ветер, дырявящий паруса,
Рвущий веревки прочные, завязанные узлами,
Расщепляющий мачту, терзающий яростно якорь, —
Кружатся, яростью исполняясь под гудение раковин,
Убивая погонщиков с палками, всадников сбрасывая со спины,
Рвя тонкую крепкую цепь, крепления столбов расшатывая,
И срываются с привязи, когда у них течка, слоны.
Поднявшие смерч, который, огромное небо затмив,
Воздух рассек, подобные стае гусей краснолапых,
Что ярколучистого солнца достичь стремится,
Кони сверкающегривые, бег ускоряя, влекут
Ветер напоминающие прекрасные колесницы.
Обученная умением поднимающих хлыст знатоков,
Конница, как на кругу, проходит аллюром ади
Так, что украшенных грив развешаются пряди.
И шаг выпивших каль воинов-пехотинцев
Воинственен и устрашающ, словно поступь слонов; —
И от движения этих неодолимых войск
Юноши браслетоногие с подносом печений сладких,
И те, в чьих корзинах, похожих на голову барабана,
Цветами увитую, сложены благоухающие цветы,
И те, чьи цветами колышутся растаутые гирлянды,
И те, чья пудра размолотая взлетает пылью цветочной,
У которых каждый орешек зеленый сладостносочный
Прекрасен и связки листьев бетеля длинностеблстых,
И приготовленная сжиганием ракушек известь, —
Все эти торговцы бродячие, испугавшись за жизнь свою,
Словно попали меж двух сходящихся армий,
Пребывают в тоске, стеная и жарко дыша,
И только после прохода войск, крепко держа
Товары свои многочисленные, успокаиваются они
Близ гороподобных домов, в их прохладной тени.

Словно белые раковины темного океана,
Пряди седые сзади тяжелым узлом закрутив,
Приносят женщины мудрые, в чьей красоте нет изъяна,
Девичам прекрасным, словно изящное изваяние
Из червонного золота под лучами восходящего солнца,

То гневноокиим, то простодушноглазым,
С волнующим телом, темным как манго, с зубками острыми,
Прелестногубым, с плечами как гибкий бамбук,
С браслетами яркими, словно бы льющимися с их рук,
С узором сандаловой пасты и родинками на груди,
С локонами черными, словно сурьмой облитыми, —
Этим-то девам, скромноречивым, павлиноподобным,
Чтобы они, украсив себя, руками плеча и резвясь,
С ученье забывшими юношами радовались, смеясь, —
Старухи приносят в изящных, с множеством отделений
Шкатулочках все для того, чтоб облик любви обрести,
И цветы продают — спеша все дома обойти.

Как бы тучи ни истощали, как бы ни полнили реки
Водой океан трехводный, бьющий в сушу; гремющий,
Он от утраты — не меньше, от прибавленья — не больше,
И как в день омовенья водой, праздника день седьмой,
Торжествуя победу, шумит, когда близок закат,
Край под стать океану, — так в дворцах прославленной Кудали
На площадях широких дневные базары шумят.

Когда жар остывает лучистый, с солнцем быстрозакатным
Цветом схожие красным, ослепительные, в узорах,
Ниспадающие, изысканного шитья одеянья надев
И мечи с золотой отделкой поверх пристегнув,
В крепких мчась колесницах, так что вьются полы одежд,
В пол упершись ступнею в браслетах, натертой ремнями,
В знак величия славы и превосходства над всеми
Две гирлянды, в которых сияют цветы, как сапфиры,
На украшенную ожерельями грудь возложив,
Подгоняя коней, проносящихся вихрем,
Под охраною пеших состязаются в скорости с ветром
Богачи, чьи прославлены руки, как тучи, даением щедрым;
И за дневными увеселеньями их наблюдают,
Звеня драгоценными камешками внутри золотых браслетов,
Сверкающие огнистыми нитями украшений,
Словно на землю сошедшие богини, в браслетах расписанных
Женщины, распространяющие по улице дух благовоний,
Чьи прекрасные лица в блеске ярких серег,
Как на древках высоких полошущиеся знамена,
Подобно волнам морским, когда ветер могуч,
В рядами стоящих домах, с любого балкона
То показываются, то скрываются, словно луна из-за туч.

Воду, землю, огонь и воздух
И огромные небеса создал
Боевым топором обладающий, первенствующий Высокий,
И когда великим богам со сверкающими телами,
С немигающими глазами, с невянущими цветами,
Вкушающим благоуханную пищу и внушающим страх,
По обычаю нерушимому приносят высшие жертвы,
То орудия музыкальные на вечерних звучат торжествах.

Сверкающих ярколучистыми украшениями детей
Прижав к себе и обняв, дабы не потерять их,
Подобно бутонам, прячущим пылью украшенный лотос,
Проходят матери, красой и любовью своей
Так же, как дети, сияя,
В храм, где поклоняются средь цветов и курений
Богу, прославившемуся защитой людей.

Превосходные Веды отчетливо распевающих,
Полное праведности поведение усвоивших,
Недостижимо высокими ставших
И в мире земном достигнувших высшего мира,
С сердцем, полным любви, шедших дорогою дхармы,
Великих, в высшем блаженстве пребывающих брахманов
Высятся, как гора с ходами вовнутрь, храмы.

Где аскезу свершающие поклоняются средь курений
И цветов, полных сочного, пчел влекущего меда,
Там обители тех, кто, прошлое время и будущее
Вместе с происходящим здесь глубоко изведав,
Сам на земле и на небе все стремится познать,
Кто не кичится знаньем и телом несокрушим,
Кто принял обеты строгие и хозяин чувствам своим;
Обители их благодатны: сосуд для воды узкогорлый,
Вырезанный из камня, в сетке подвешен веревочной,
Покои сияют, словно поверхность пруда,
Как медь прекрасные, стены украшены изображениями
И, устремленные ввысь, быстрый смущают взор;
Удивленья достойные, благоухающие цветами,
Высятся эти обители громадой теснящихся гор.

А вот тянется улица поборовших пристрастья,
Страх, слабость, ни злобы, ни радости не испытывающих,
Подобно весам, безупречных и всеми ценимых за это,
Дхарму рекущих, стражей закона, вождей совета;
Другая улица — тех, чья грудь сандалом натерта,

Свершающих жертвоприношенья, носящих одежды яркие,
 Видящих зло и добро, изучивших их, зло отвергших,
 Подобно великим, живущим на беспредельном небе,
 Верных любви и дхарме, охраняющих добродетель,
 Избегающих поношенья, над всякой хулою властных,
 Снискавших почет чиновников-кавиди беспристрастных;
 Третья — не отступающих в поведенье от пути дхармы,
 Живущих в подобных скопленью тесному гор,
 С коршунами, довольными тем, что сидят так высоко,
 Славных домах, изобильных пищею и богатством,
 Купцов жемчуга, золота и камней драгоценных,
 В воде, в земле, в горах и повсюду добытых,
 Торговцев товарами разными из стран знаменитых;
 Четвертая — цвет собрания в Могуре Пажейяновой,
 Чей от пролитья дождей урожай постоянен, подобных
 Явлению правдивоязыкого кбсара, дивноликих,
 Советников четырех разрядов великих.
 Резчики раковин, драгоценных камней гранильщики,
 Украшения на огне изготавливающие златокузнецы,
 Оценщики золота, одежд продавцы,
 Скупщики меди на вес, вязальщики поясов,
 Знатоки благовонных курений и благоуханных цветов,
 Изображающие подобье разного рода событий,
 Взором проникновенным постигающие тонкость явлений,
 Художники, зреньем искусные, вместе держась;
 И то расстилающие, то складывающие кусок за куском подряд
 Длинные и короткие ткани свои ослепительные,
 Словно волнами светлыми приносимый песок,
 Бедные и богатые ремесленники, толпясь; —
 На четырех этих улицах бок о бок стоят.

Подобно звучащему при стечении знати
 В увитом гирляндами, восхищающими танцоров
 С крутобокими барабанами и родичей их,
 Праздничном зале царя приморской страны
 Шуму приветствий — многие звуки слышны;
 Изысканновкусная, ароматная, нежная
 Мякоть сочных плодов хлебного дерева,
 Соперничающие красотой сладкие плоды манго,
 Разнообразные фрукты, спелые и зеленые,
 На стелющихся стеблях под дождями взращенные;
 Показавшиеся из почек — зелени листья съедобные,

Истекающие соком сласти, амыте подобные,
 Знаменитый рис с мясом, в земле растущие клубни,
 Сладкий рис с молоком и множество прочих прекрасных
 Кушаний поглощается в игре харчевен разных;

Когда корабли белопарусные, принимавшие ветер,
 Выгружают товаров множество и над портовым городом
 Громкий обычный шум смешивается с гомоном
 Чужеземных купцов, скупающих драгоценности,
 Тогда на отмелях черных глубокого моря, чьи волны
 Рыбой пахнут сырой, живущими, тучей взлетающими
 И в тревожную полночь возвращающимися назад
 Птицами многочисленными поднимается крик —
 Им подобно базарные площади по вечерам шумят;

Когда горячий яркосверкающий свет смягчая,
 Ярость смирная, закатное солнце, день пройдя,
 С горами на западе соединяется, а на востоке
 Луна возникает полная, сияние изливая,
 И ночь, совершенством равная дню, приходит, —
 Женщины, желаньем пылая, пред тем как соединиться
 С возлюбленными мужьями, плетут из прохладнодушистых
 Изысканнолепестковых водяных лилий гирлянды,
 С украшенных длинных волос стряхивают благовонья,
 Растирают мускус, размалывают сандал,
 Дымом ахила пропитывают одежду тончайшие ткани,
 Исполняются радости, взирают очами лани;
 Потом зажигают лампы с пламенем длинноязыким,
 И когда невнятно шумящий вечер, неся печаль,
 Вступает в пределы домов, они, смущаясь,
 Берут семиструнный сладостнозвучный йаль
 И, извлекая подобные низкому голосу звуки,
 Обнимают желанного друга.

Другие, вздымая руки
 Так, что округлые ярко сверкают браслеты,
 Прикалывают к затылку благоухающие до небес
 Прохладую водной цветы, и вдоль улиц летит
 Аромат едва распустившихся новых бутонов,
 Достигнув обильного блага величественной красоты:
 Уподобляясь зацветшим под ливнем стеблям, столь душистым,
 Словно вдыхаешь запах раскрывшихся крупных лилий,
 Пчелам любезных, — к телу прикрепляют цветы;
 И, обнимаясь так, что от бус на груди остаются следы,
 Прижимаясь с притворной страстью, избегая соединенья,

Пришедших за наслаждениями из ближних и дальних мест
Молодых богачей состояние прибирают к рукам;
И — словно племя пчел нежнокрылых, что, съев пыльцу,
Покидают цветок, — покидают, куда те сладко спят,
Соединявшихся с ними, скорбь причинив их сердцам,
Чтоб, птицам подобно, отборные выскивающим плоды,
Встречи искать с сыновьями из богатых семей
В домах, пред свадьбой возвышенных божественной силой
Анангу,

Где девы, изящно украшенные, с золотыми браслетами,
Толпятся при ярком сиянии ламп, красою своей
Подобные девам небесным, в голубых небесах
Пляшущим, — и у собравшихся на таких торжествах
Охотницы за богатством дрожь поселяют в сердцах:
Радуюсь пенью ночного йаля и рокоту барабанчика,
В лад звучащих, они танцуют возле прохладного
Залива глубоководного, но на песке осыпающемся
Устают и срывать начинают с веток цветущих
Нежные листья, с бутонами влажными их сплетая,
И гирляндами, длинными столь, что достают до края
Одежд, из лилий сплетенными, себя украшают
И в домах, ароматами полных, пребывание предвкушают.
В день торжественный Онам, празднуемый Майном,
Одоловшим рать авунаров, золотой гирляндой увитым,
Воины-маравары с лицами в шрамах глубоких,
Мечом нанесенных, с могучими руками в рубцах от битв,
На лбах же следы от ран, полученных в схватках жестоких,
Когда они бились на улицах вражеских городов,
Восторженные, украшенные венками, полными пчел,
Вдоль полосы, засыпанной камнями острого галечника,
Мощных ведут слонов — возбуждая веселье в народе;
Что, выпив крепкого тодди, на них посмотреть пришел.
Жены, детей родившие на радость мужьям,
Когда пополневшие груди амриту источают
И сроки отвергнутости проходят, с благой родней
В прудах близ богатых домов омовенье свершают;
Йаль настроив на верный лад, чтоб играть севважи

вечернюю,

К звону кураль-струны прибавив бой барабана,
Под звучание множества маленьких барабанчиков,
Светильники пред собою держа и сложивши руки,
Осторожно, подобно павлинам темным, ступая,
Женщины, впервые беременные, рис подносят

Чалини большерукой;

иные звуки

Там слышны, где Муруганом одержимый
Обладатель копья острейшего, все приготовив
Под пение музыкальных орудий, звенящих как пчелы,
И раскрывшиеся в дожди цветы куриньджи надев,
Пред Высоким склоняется Юношей, обретающимся под кадамбой,
И во всех дворах кувавей пляшут, — и все кварталы,
Где, все убыстряясь, речь, пенье и танец стали безумными,
Переполяются звуками и делаются мало-помалу,
Словно в праздник великого Наннана, шумными;

И после того, как прошла первая стража ночная,
Звук раковин затухает, и, на засов закрывая
Лавки, где назначаются цены товарам,
Тихие гордые девушки тихий сон предвкушают;
Пирожники, чьи изделия — лепешки нежные адей,
Подобные сетчатым сотам, и такое печенье,
Когда на сиропе из сахара растопленного замешана
Рисовая мука, — и они засыпают;
Пляшущие на праздниках, скованы сном танцоры;
Сладость проникла в очи тех, кто во сне затих,
Как затихают холодного моря просторы;
Посреди темной ночи демонницы и анангу бродят,
Став видимыми, вместе с демонами,
Колесничими Ямы, чей жезл себе цель находит;

Слившихся с тьмой, сравнимой с черной шкурой слонихи,
Обутых в сандалии, из жесткой сплетенные кожи,
Вооруженных мечами, что камень, как дерево, режут,
И набедренными кинжалами с рукояткой короткой,
Искуснейшейковки, которые цветом схожи
С мелким черным песком, на поясах сапфирных;
Обмотанных тонкобечевочными лестницами многократно,
Отбойные ломикипрячущих охотников за драгоценностями —
Этих людей скрывающихся места укрытий выслеживая,
Подобно мощному тигру, за мощным слоном следящему,
Недреманоглазые, неустрашимые,
За мужественное поведение знатоками хвалимые,
Постигшие всю полноту законов, все тонкости дела,
Городские стражи, чьи крепки точные стрелы,
По колесничным широким улицам и тогда,
Когда затопляет их в полночь ливневая вода,
Рвенья полны, свой не замедлят шаг,

И следующая стража бесстрашная, всеохраняющая,
Сменяет таящий духов, ночью бродящих, мрак.

Как, на душистый от пышных бутонов пруд
Слетевшись, пчелы, пыльцу поглощая, поют,
Учеными брахманами распеваются Веда;
Музыканты, приятного лада струны задев,
На йале выводят марадама напев;
Крепким слонам задают погонщики корму;
Кони — мощь колесниц — в стойлах траву жуют;
Лавки, товарами полные, жижей коровьей кропят;
Торговцы калем выкрикивают его цену;
В объездах любимых мужей до зари прослав,
Желая заняться утренними делами,
Жены, звеня украшениями золотыми,
Как молнии блещущими, по дому ходят;
Двери домов отпираемые скрипят;
С похмелья лепечущим радостно языком
Старые пьяницы что-то кричат невпопад;
Суты возносят хвалу, магадхов речи звучат;
С голосами вайталиков и глашатаев времени
Сливается гром барабанов; разносится рев быков;
Петухи яркоперые провозглашают рассвет;
Самцы чакраваки и гуси, исполняясь желанья, кричат;
Гром павлинов, красой сияющих, зов;
С самками соединяясь, режут большие слоны;
Воют хищные звери, в клетки заключены;
Сверкающие подобно очистившемуся от туч
Синему небу и словно бы радостно одурманенные
Женщины в украшениях, что, на мужей сердясь,
Ожерелья сорвали и стекшие жемчуга —
Рассыпавшиеся по земле, покрытой (как будто золото
Плавят на ней) завязями кокоса, который отцвел
Только что — и бутоны, не дождавшиеся расцвета,
С песком посыпанных дворики, под гудение пчел,
Подбирают в покое сменившего ночь рассвета.

Утратившими мужество погонщиками большерукими
На поле битвы оставленные высокобивневые слоны;
На вражьей земле захваченные стелющиеся в беге кони
Копьями, поразившими мужчин, на защиту пришедших,
Как посохами, подгоняемые теми, чей взор суров,
При свете горящих селений угнанные стада коров;

Осененные анангу врата крепостей побежденных;
Приносимая ежедневно при возгласах славословий
Руками, в почтенье сложенными, дань, усиливающая блеск,
И все изобилие трофеев и драгоценных даров —
Как к морю воды катятся Ганги плавной, —
Стекается к равной великолепию миру богов
Мадуре пышной, великим именем славной.

Вот почему —

подобных сиянью лучистого солнца,
Когда его раннего жара сверкающие потоки
Льются на рошу, где пчелы приникают к бутонам,
Огненно распускающимся, ярко зацветшей асбки;
Величественно прекрасных, освещающих землю
Блестящими драгоценностями в оправе из золота;
Изяществом равных павлинам, телом — побегам манго,
Прожилки в которых схожи с родинками на их коже;
Острозубых; сережками отягчающих уши;
Сверкающеликих, как лотос пламеннолепестковый,
Пыльцой богатый, растущий в пруду при храме; —
Изысканных этих дев душистые плечи обнав,
На постели, гирляндами пышно цветущей, приняв
Сон благодатный и радостно от него восстав,
Возложив на натертую крепким сандалом,
Обвитую лучистыми ожерельями грудь
Гирлянду обильноцветочную, спускающуюся с шеи,
Кишащую роем пчел со спинками полосатыми;
Могучие и широкие руки украсив богатыми
Золотыми прекрасными кольцами и браслетами;
Одежды, в отваре рисовом накрахмаленные, надев,
Поверх же — груз украшений, роскошно блистающий;
И оттого став подобьем искусно изваянной
Великолепной статуи, Муругана являющей, —

Ты — на воинов, рвущихся в бой, гонящих врага,
Преграждавшего путь, словно дамба — течение реки,
На твою восхваляющих мощь и могучий твой меч,
Стрелы грудью встречающих и поднимающих лук
И удерживающих коня силой доблестных рук,
На постигших науку сражаться под стенами крепостей,
Рвы которых усыпаны множеством битых камней;
На полководцев, что под немолчный бой барабанов,
Которые бычьей сырою обтянуты шкурой,
Средь войска, чей пыл подобен вихрю пожара,

Громадных слонов губя на полях сражений,
Мужество показав, падали от ранений; —
На всех на них, без расспросов «Кто ты?»,
Согласно заслугам, гирлянду из золотых цветов надевая;
И всех, чьи колышались копья и стрелы, как зыбь морская,
Чьи выцветшие доспехи в местах сочленений разбиты,
Чья изнуренная плоть крепче колесных ступиц,
Грудь же горит стремленьем оказать услугу высокую,
Чтоб твой небу подобный дворец не искал защиты другой;
Всех, кто привел стада возвышающихся слонов,
Всех, на груди у которых, увитой гирляндами, высох сандал,
Всех, свершавших великие подвиги, и всех, кто им подражал, —
«Да придет сюда всякий! Все приходите!» — так приглашая,
Всех встречая у врат, войти никому не мешая,
«Пусть панары входят! Певицы пусть входят! Пусть музыканты
С поэтами речеобильными входят!» — так возглашая,
Всем просителям, обремененным родней многочисленной,
Колесницы с башенкой лотосовидной и слонов раздавая,
И пока на поляне для танцев каль доспевает,
Барана под каждым деревом, повалив, закаляют,
Нагреваясь, становится мягче плоть,
Плавится жир, мясо, поджарясь, шипит,
И до дворца долетает дым, вися над сосудами
С кипящей приправой, подобно туче, несущей дожди,
И, уподобившись все эти жертвы принесшему Мудукүдumi,
Путем жертвоприношений, столь же благих, да иди!

Как достохвальный Нйландар Тирувиль Недийон,
Вкушавший мудрость всеведущего собранья
Славных учителей, верных заветам древним,
Ты, в безупречной хвале, приносимой устами
Беспристрастных, возвышенных многих мужей, возникая,
Дары раздавая редкие, подданных обогащая,
Изучая великое, славой своей блистая;
Подобно солнцу средь волн трехводного океана,
Подобно луне посреди многочисленных звезд,
В окруженье цветущих родичей ярко сверкая;
И — в присутствии почитавших славногирляндного
Великого именем Мара́на как своего предводителя,
Юных косаров мечом справедливо карающих,
Стяжавших славу геройскую, властителей малых земель,
Толпящихся, дабы слово твое истинное услышать,

Вместе с теми пятью, что украшены золотом,
И хвалы тебе возносящих с прочими заодно,
В великолепном приемном зале твоём, — поднимая
Золотые сосуды и терпкое пальмовое вино,
Разносимое девушками прекрасными, выпивая,
Радуйся каждый твой день! Проводи средь услад, о благой,
Время жизни, тебе отпущенное, полученное тобой!

ПОЭЗИЯ АХАМ

КУРУНТОХЕЙ 40

Моя мать и твоя мать — какая родня?
 Что общего с моим отцом у твоего отца?
 Знал ли я тебя и ты меня?
 Как красная земля и дождевая вода,
 Смешались, любви исполнясь, наши сердца.

КУРУНТОХЕЙ 3

Больше земли, выше небес, полнее морей
 Любовь моего господина, который в горах живет,
 Где кúринджи черностебельные цветы
 Благоухают как мед.

АХАНАНУРУ 82

Когда в отверстиях сверкающих колышущегося бамбука
 Прекрасный западный ветер становится свистом свирели,
 Когда звон нежный ручьев, прохладных и сладкопевучих,
 Становится дробным голосом множества барабанов,
 Когда пронзительный крик оленьего стада — трубою,
 А пчелы на горных цветущих склонах становятся йалем,
 Тогда, этот сладостный шум слыша, благое собрание
 Обезьян, изрядно шумливых, изумясь, в замешательстве
 смотрит.

Как выступают на круче, поросшей бамбуком, павлины,
 Подобно вíрали, выходящей на площадку для представлений; —
 Этого края житель, выбравший лук покрепче,
 Безукоризненной формы, и проверивший стрелы,
 Спрашивая, кто видел слона, с которым он бился,
 С той стороны калитки на поле созревшего проса,
 Грудь в гирлянде цветочной, стоял — свидетельниц много,
 О подруга! — из них,
 Ночью, на редкость темной, к подушке прикинувшись,
 Стала одна только я такой на мое несчастье,
 Что слезы льются из глаз и хudeют запястья.

АХАНАНУРУ 48

Живи, о мать! Пожелай меня выслушать! Дочь твоя
 Даже не пьет молока, поникла в печали,
 Вся пожелтела — ты спрашиваешь о причине?
 Не могу объяснения бесспорного дать и я.
 Однажды отправилось несколько нас подруг
 На склон цветущий — ветвистого венгея наломать.
 «Тигр, тигр!» — раздались громкие крики вдруг.
 В гирлянде иглою пронизанных изысканнолепестковых,
 Очертаньем подобных глазу цветов лилии ярко-алой;
 В красном, сдвинутом набок венке; с пастою из сандала
 На груди, готовой принять женскую грудь;
 С узорно украшенным луком и связкой стрел —
 Он: «Каков же этого тигра путь?» —
 Так спрашивая, на нас смотрел;
 При виде его, друг за дружку прячась,
 Мы, застеснявшись, стали.
 «О заботливо разделившие волосы ваши на пять
 Прядей, изысканнолюбые, влажноволосые скромницы,
 Иль вы ничего мне не хотите сказать?» —
 Так колесничий этот, сдержавший быстрых коней,
 Молвил и, глянув не раз в сурмленные очи твоей
 Дочки, стал уходить он, хозяин этих холмов.
 При свете солнца закатного, на исходе дня,
 Смотря неотрывно туда, где он скрылся: «Это
 Муж истинный, о подруга!» — сказала она.
 Для тех, кто умен, довольно такого ответа.

НАТТРИНЕЙ 160

Обходительностью, дружественной привязанностью,
 застенчивостью,
 Усердием, доблестью, поведением, выражающим знание сути,
 Я в большей, чем ты, степени обладал, пока не увидел
 Благоухающие, теснящиеся молодые высокие груди,
 Словно обрызганные узором родинок мелких,
 И волосы, расчесанные на пять прядей, медоуханные,
 Роскошно обрамляющие лик ослепительно-золотой,
 И влажные очи, в прожилочках алых, цветущие,
 Как густая охавка сорванных лилий,
 Раскрывшихся в водоеме с древней водой.

КУРУНТОХЕЙ 335

Когда девушки, надев изящные украшения и браслеты,
Меж черных скал расстилают метелки красного проса
И, утомявшись, ныряют в горный ручей, то, видя это,
Чтоб зерна схватить, спешат с детенышами спуститься
С ветвей обезьяны зеленоглазые, обитатели гор, где ютятся
Селенье, откуда родом горянка широкоплечая,
Охотника с длинными стрелами и луком тугим сестрица.

НАТТРИНЕЙ 359

Житель горного края, где теленок глядит в замешательстве
На корову в лощине, ставшую красной, когда
С задетого ею кандала тучи пыльцы слетели,
Дал нам из листьев юбочку, чтоб надели.
Если надеть — бояться начнем, что узнает мать;
И урона любви бояться начнем — если отдать.
Не засохнут ли они тем временем сами,
Эти листья, что трудно так собирать
На горных склонах, которые грозному богу милы,
Но на которые не решаются даже дикие влезть козлы?

НАТТРИНЕЙ 140

Когда во дворе, покрытом песком лунносеребристым,
Где достаточно места для колесницы отцовою, —
С подружками большеглазыми, волосы у которых,
Расчесанные на пять неравных прядей, покрыты
Высушенным, в порошок истолченным сандалом прохладным,
Чьи, на коротких стеблях, соцветья бывают раскрыты,
Когда тучей, набравшей влаги, темнеет западный край, —
Веселится и в мяч играет та, что ко мне безразлична:
Явит ли милость, нет ли — страдая, не отвергай
Поклонения ей, о сердце! Ибо хоть малую долю
Мук и тревог снимающего никакого иного лекарства
Для моей не отыщешь боли.

АХАНАНУРУ 140

Рыбаками из мелких селений, промысляющими в большом
Добытой без пахоты с отмели, с солончакового поля,

Серебристой каменной соли назначающий цену
Одолевает холмы, потрескавшиеся от солнца,
Палкой быков погоняя, торговец солью,
Чья мной любимая дочь звенит витыми браслетами,
Когда объявляет в селах она условия обмена:
«Серебристая соль — против риса!» — и лают дворовые псы,
Обученные обращению с чужими, и виден испуг
В глазах, что подобны двум надменным бьющимся карпам,
Меня терзающих болью, разгорячившей дыханье;
Я мучусь, как бык, запряженный рукою ее отца,
Тянувший через силу, чтоб скорей прекратить страданья,
Повозку, в грязи увязшую, заскорузлой и черной,
Как дым, когда лес выжигают горцы для пашни просторной.

КУРУНТОХЕЙ 235

Живи, о северный ветер, и охраняй покой
Селенья женщины доброй, где хижины крыты травой,
Где поедают лоси дикий крыжовник нелли,
Там, высоко в горах, на склонах которых ручьи
Сверкающие напоминают висящую кожу змеи.

АХАНАНУРУ 122

Знаменитый обильем дождей и пальмового вина,
Древний город, хоть праздника нет, не спит;
Когда на торговых улицах воцаряется тишина,
Властноречивая мать, чье слово крепко, не спит;
Если она, на запоре держащая дом, заснет,
Недреманюю стражники быстро пройдут во мраке;
Если они, острозубые, чьи блещут копыта, заснут,
Радостные залают, хвостами виляя, собаки;
Если они, громкоротые, не залав, заснут,
По кругу просторных небес, выпустивших луну,
Сияющую как день, окажется свет разлит;
Если за горы уйдет луна и наступит тьма,
Филин тяжелоротый, охотящийся на мышей,
Вместе с бродячими духами о гибели закричит;
Если умолкнет филин округлоглазый,
Неожиданным шумом куры наполнят дом; —

Но и когда все стихнет, может он не прийти,
Ибо достаточной стойкости не имеет в сердце своем.
Видишь, обильной камнями охранной роше
Крепкостенного Урандэя — столицы владыки Титтана,
Чьи кони в галопе стремительном стелются,
Так что звенят браслеты с жемчужинами внутри, —
Подобны препятствия, о подруга, нашей тайной любви!

КУРУНТОХЕЙ 152

Клянувшийся в любви — о том ничего не знает,
Что прячущаяся внутри, как в материнском яйце,
Вся состоит из нежности, ничем не защищена
Любовь — как беспомощный черепашонок она,
Когда на погибель возлюбленный нас оставляет.

КУРУНТОХЕЙ 87

Говорят, древний бог,
Обретающийся под древом марам на поляне для сходок,
Сокрушает жестоких — но только ничуть не жесток
Друг мой, в горной живущий стране: виновата тут просто любовь,
Что мой лоб потускнел, и что слабость я чувствую в теле,
И что полные нежные руки мои похудели.

АХАНАНУРУ 22

То, что оторвана я от широкой душистой груди
Жителя гор лесистых, по которым бегут ручьи
С вершин, освященных анангу, — вот отчего мои муки.
Не зная того, мудроустые суетятся старухи:
«Она успокоится, если почтить Высокого Юношу,
Чьи истребляют ослушников могучие славные руки», —
Истину эту изрекши, украсив поляну для танцев,
Развесив венки, наполнив звуками пеня
Святилище пышное, свершив жертвоприношение,
Кровью смочив прекрасные зерна красного проса,
К Муругу стали взывать в полночную страшную тьму —
Но так как все это помочь не могло тому,
Чтоб сандалом благоухающий, в венке из растущих по склонам,

Обрывистым и непроходимым, цветов, окруженных пчелами;
Для пропитанья выслеживающий слона; продвигающийся
подобно

Таящемуся, избегающему взглядов, могучему тигру;
Обманивающий охранника покоев в доме благом,
Дабы исполнить желание души, столь страдавшей по нем,
Обнимающий так, что слабеет дыхание
И тело полнится радостью, любимый, к нам сюда идя,
Появился и боль утишил — как же мне было
Не рассмеяться, усилив тщетные велана видя?

АХАНАНУРУ 80

Пробравшись по пустошам вдоль солевых черных варниц,
Обиталищ акул рогатых и крокодилов изогнутолапых,
Пришел ты ночью, о житель прохладного взморья!
Неужто так труден к нам путь?! От выловленной в просторе
Друг с дружкой связанных волн и привезенной отцом
Вываливающейся рыбы будем птиц отгонять.
Колесами разрезая мягкие красные плети
Взросших близ моря, забитого водорослями колючими,
Бесчисленных ярких цветов раздвоеннолистного адумбу,
Упряжку коней одномастных под звон колокольцев гоня,
В рошу деревьев пунней, сыплющих из соцветий,
Средь блестящей листвы раскрывшихся, золотую
Пыльцу прохладнодушистую, — приди в середине дня!

АХАНАНУРУ 2

О житель страны, где самцы обезьян несмышленных
Пьют тодди хмельной, что в расселинах горных настоян
На тронутых гнилью сладких плодах перезрелой
Грозди густого банана и на уже несъедобной
Мякоти хлебных плодов, сорвавшихся в воду
С деревьев на склонах; и после с неловкостью пьяных
Лезут, срываясь, на перцем увитый сандаловый ствол
И валяются спать, порезывая на цветочных полянах; —
Так неожиданно просто в горах твоих многие звери
Сладости достигают. Почему же еще не обрел
Сладости ты, о которой мечтаешь?
Ведь сердце прекрасной, бамбуковорукой,

Взволнованное тобою, бьется дрожа, —
Так что, когда, утомившись, надежные сторожа
С мест отлучатся своих, ночью прийти можешь ты.
Вот и вѣнгей раскрыл сверкающие цветы,
И серебряная луна достигла уже полноты.

НАТТРИНЕИ 348

Луна раскинула лучи в сапфирном небе
И океаном разлилась молочным;
Средь шумных улиц криками толпы
Начало праздника приветствует селенье;
Лес полон неумолчного гуденья
Пчел, ищущих подруг по зарослям цветочным, —
А я в тоске, одна, спадают украшенья.
Ночь долгую сомкнуть не в силах глаз:
Со мною ли устроил мир сраженье,
Иль с миром я — душой, уставшей от мученья?

АХАНАНУРУ 100

Когда ты приходишь ночью, чтобы прижать ее
К груди, украшенной в знак величья гирляндой
И натертой толченым сандалом, отчего остаются пятна
На груди ее нежной, то это и мне приятно.
Но словно в укрытой рощах цветущих деревьев пуней
Бухте Пурайдей щедрорукого князя Пэриана,
Колесниц и коней обладателя, певцов покровителя,
Где подобные вспыхам на налобных пластинах,
Колеблющихся на головах к убийству привычных слонов
В стане несокрушимого, славного мощью царя,
Возникают на лодках рыбачьих, ловящих жирную рыбу
В море облачной ночью, когда стихает волнение,
Разгоняющие темноту огоньки, ярко горя; —
Так вот, словно в этой бухте крик ссорящихся цапель,
Полетела молва по ютящемуся в краю, засянном рисом,
Где буйволы в сумерках утра, когда прохладна заря,
Выходит ошипывать нѣйаль в первом цветенье, —
Нашему слухами полнящемуся селению.

АХАНАНУРУ 62

У смуглой — рот, белозубой улыбкой цветущий,
Подобный нежным стеблям травы, в воде растущей;
Распускающиеся бутоны грудей, бамбук плечей;
Словно лилии кувалей черностебельной два цветка,
Темные лепестки влажных глаз; и хотя мы с ней
Встречаемся в месте, скрытом даже от пей,
Молва о свиданиях наших гремит, как барабаны;
И оттого, что хожденую тайком препятствий немало,
Вчера так от горя дрожала, словно в поток
Кавери, бурной реки, водоворотами славной, попала,
И чтобы дрожь унять, к груди моей припадала
Она — подобная изваянью богини,
Украшающему простор в горах Кóлли,
На ручьями сверкающем склоне водруженному Порейяном,
Чье грозно копытами и слонами войско огромное, —
Красавица темнотелая, безусловно скромная.

КУРУНТОХЕЙ 24

Белая черностебельная маргоза вот-вот отцветет,
Неужели любимый не возвратится до этого срока?
Как семиды семью крабами истерзанный плод
Среброветвистой фиговой пальмы на берегу реки,
Меня истерзали жестокие языки
Своими ля-ля и бу-бу: «Твой любимый далеко».

КУРУНТОХЕЙ 157

Прокукарекал петух, и ему в ответ
Затрепетало чистое сердце мое от испуга,
Потому что к плечам моим приникшего друга
Отделяющий, словно меч, наступил рассвет.

КУРУНТОХЕЙ 326

Коль тот, с кем на берегу нас приютила лачуга,
Игравшими в море девушками сложенная, чьи бамбуку
Плечи в гирляндах подобны, — меня обречет на разлуку

С собою, прибрежного края жителем, о подруга,
Значит, встреча эта таит многодневную муку.

КУРУНТОХЕЙ 240

Когда подобные клювам попугаев цветы аварей
Средь зеленеющих веточек и цепких прохладных стеблей
Распускаются вместе с муллеем, чьи похожи цветы
На зубы лесного кота,— приходит северный ветер.
О подруга, взгляни: чтоб отягчить мое горе,
Милого холм изумрудный, когда наступает вечер,
Скрывается, как корабль, в волнистом тонуций море.

КУРУНТОХЕЙ 381

Неужто страдания, от которых я стала цвета разлуки,
Ночами не сплю, и сердце горюет,
Погибла былая краса и увяли руки, —
Все оттого лишь, что я смеялась, открыв зубов
ослепительных ряд,
С жителем побережья, вдоль которого плещут шальные волны,
Играя свежими лепестками рощ, цветения полных,
Близ вод прохладнодушистых, где белые цапли кричат?

КУРУНТОХЕЙ 321

С гирляндой сандала горного на груди и с венком
Лилий из горных источников с вьющимися вокруг
Пчелами, среди ночи, в наш направляется дом,
Чтобы припасть к груди твоей, нежный наш друг.
О девушка с поступью скромной! Тигр красноглазый ревет,
Когтя на поляне лося, и самка в испуге бежит —
Время ли, о сестра, в любви таиться теперь?
Нет! Ты сама захоти приоткрыть нашу дверь.

АХАНАНУРУ 10

О житель славного побережья, где почвы мягки,
Где к темным ветвям дерева пунней слетаются птицы,

Когда расцветают на нем, кривоствольном, бутоны,
Словно летящие брызгам морским навстречу зарницы!
Коль думаешь ты о разлуке, которая слезы
Исторгнет из глаз сурмленных, подобных нёйдалю,
Трудное дело ты затеваешь, о великий:
Порт Тонди есть, близ него — поселок пахучий, где рыбаки,
Чьи сети новы, а старые лодки разбиты
Ветром восточным и волнами, накатывающими на пески,
Делят награбленное акулой, выброшенной на берег, —
Так вот, отправляясь в путь, взять должен с собою ты
Богатое, как этот порт, благо ее красоты!

АХАНАНУРУ 65

Избавимся от речей матери, угадавшей
Замысел наш, хотя и скрывающей это;
Разом покончим с молвой речистых женщин селенья,
В которых ни капли нет сердечного сожаленья;
Возрадуйся, о подруга, как проситель, пришедший
Славить Удияма Чераладана, расширившего страну;
Сегодня возлюбленный тоже в мечтах о побеге,
Ведь он заодно с нами, прекрасноволосыми, —
Хотя девицам с цветочными насурмленными глазами,
С расчесанными на пять прядей душистыми волосами,
С округлой, в родинках, грудью, с бамбуковыми плечами,
Путь, на котором препятствием оказаться могут слоны
Гнутовысокобивневые, коими славится лес
С тропинками в чаще бамбука, бегущими вверх и вниз,
Словно идешь по спине задыхающегося слона,
И где на широком пространстве с деревьями йа высокими
На каждой горе возникает великолепие пламени
Острого, раздуваемого ветром, подобно тому
Как на верхушках волн, касающихся небес,
Во множестве огоньки рыбацких лодок видны; —
Путь этот тяжек мучительный тропами дикой страны!

АХАНАНУРУ 49

Та, что любила бобы-кажангы, мяч, попугая,
В нежности, в милости, в дружбе, в поведении не такая
Стала, как прежде была,— жизнь да погибнет моя! —

Ибо когда, как к дереву привязанная корова
 Оглядывает, суровоглазая, свою крутобедрую телушку,
 Я оглядела ее, сзади к ней подошла
 И, тронув округлый лоб, нежно ее обняла,
 Меж зрелых грудей моей дочери пот показался —
 Видно, ее обнимали так, увь, не впервые.
 Если бы знать, что она в дикий отправится лес,
 Где антилопы наивные, от жары изнывая,
 В небо глядят с обидой и ветки жуют сухие
 Деревя мараля, где он, сильный и достославный,
 Будет ее ласкать, в сухой тени отдыхая,
 То я бы ходила за ней, словно тень ее тела,
 По просторному дому отцову, в котором крепко засов
 И пищи довольно, я бы не отходила от мест,
 Где играла она, браслетами где звенела
 В стайке подружек, украшенных гирляндами из цветов.

НАТТРИНЕИ 29

Туда, где от долгой жары погибает кандаль,
 Где пылает огнем дорога, лишенная тени,
 Где тигр, ради самки голодной с бессильными после рожденья
 Детеныша лапами, на скрещенье дороги с тропой
 Жертву высматривает смутной вечерней порой,
 Туда — как дойдет она, как этот путь одолеет?
 Разве не будут болеть ее молодые высокие груди! —
 Едва лишь подумаю так и руки мои ослабеют,
 А она уже жарко вздыхает, несчастная,
 Нежная, со слезами в прохладных, полных желанья глазах,
 Темные волосы умашены, простодушная и прекрасная.

НАТТРИНЕИ 184

У меня-то ведь дочь одна! И она
 С могучим бычком, обладающим острым копьем,
 Ушла вчера в край пустынный, где круты горы.
 А вы говорите теперь: «Терпи свое горе!»
 Разве это возможно? Бывает ли что жесточе?
 Поймите, сердце мое воспламеняется сразу,
 Когда я гляжу на жасмин сапфицветный ночью
 И веранду, где изящная девочка моя играла,

Словно двигалась куколка, что с рождения обитала
 В зрачке моего сурмленного глаза.

АХАНАНУРУ 86

С фасолью сваренная рисовая похлебка
 И загустевшая рисовая каша — не иссякают;
 Меж столбов, под навесом прохладным, песком посыпав,
 Зажигая светильники, развешивая гирлянды,
 На исходе ночи, когда столь прекрасно утро.
 И изогнутый месяц серебряный ускользает
 От тьмы всеохватной и в день безупречный вступает,
 Прекрасные матери под шум невнятного голоса,
 Кто вверх поднимая кувшин, кто широкий сосуд,
 Стоящим вокруг них по порядку цветы раздают;
 Родившие сыновей, отчего животы их в полосках
 И пятнах, четыре нарядные женщины говорят:
 «Во всем держась добродетели, на помощь идя ежечасно,
 Того, кого мужем получишь, да будешь любить ты страстно!» —
 И цветы, ими брошенные, с влагой на лепестках
 Сверкают меж зерен риса в темных густых волосах;
 Когда же юной женитьбы окончилось торжество,
 Родственники взволнованные отдали ее мне:
 «Да будет великого дома хозяйкой!» — проговорив,
 Тогда, оставшись в комнате в ночь первого соединенья
 С нею, в комочек сжавшейся, согнувшей округлую спину,
 Я обнял ее, лежащую в одеянии новом,
 Лицо приоткрыть боящуюся, чтоб желанье объятья
 Не выказать, и спросил, частое слыша дыханье:
 «Чем полно сердце твое? Поведай все без изъятья!»
 Она улыбнулась нежно и — так, что в ушах закачались
 Гроздью красных камней сверкающие украшения, —
 Ко мне приблизив лицо, душу отдав усладе,
 Вдруг надо мною склонилась — простодушьем похожая
 На антилопу, радость выразившая во взгляде,
 С влажными волосами красавица смуглокожая.

АХАНАНУРУ 56

Не смешно ли, подруга, что житель селенья
 Близ бухты прохладной, где пруд сапфирный

Колышется, когда по берегу буйвол с рогами
 Черными, крепкими как железо,
 Листья амбаль срываая, цветы кувалей поедая,
 Подставив влажную спину под падающие бутоны каньджи,
 Направляется в стойло, двигая челюстями,—
 Не смешно ль, говорю я, что этот житель,
 Украсивший грудь густою гирляндой,
 Наряженный будто в день свадьбы, отправил
 Панара с радостной, женщин влекущей вестью — а тот,
 Когда отелившаяся корова средь улицы бросилась на него,
 В дом мой вбежал, трясась. Видя это,
 Я вышла навстречу, пряча в душе торжество,
 И сказала: «Ошибся ты домом, вон — твой!»
 Скрыв в сердце досаду, стоял он почтительно предо мной.

АХАНАНУРУ 16

Нашего, всеми любимого, мальчика, чьи ладони
 Как лепестки, прилегающие к сердцевине в бутоне
 Лотоса, распустившегося в древней воде пруда,
 Где обитают выдры; нашего сына, чей
 Рот как коралл; чей выговорить смешную сладость речей
 Не в состоянии язык; его, в золотых браслетах,
 Средь улицы, где колесницы ездят, застав одного,
 Острозубая девушка, думая, что никого
 Нет свидетелей, видя в нем образ его отца,
 Приблизилась, приласкала и, прижимая к груди,
 Несущей тяжелое золото и драгоценные камни,
 Радостно проговорила: «О жизнь моя, приходи!»
 Увидев ее такую, я не могла устоять.
 «О прекрасная женщина! — я, подойдя, сказала. —
 Что за безумная речь! Разве и ты ему мать?»
 И тоже, обняв ее быстро, видя, как стыдно ей,
 Как голову опустила и землю носком ковыряет,
 Словно за чем-то тайным застали ее, приласкала.
 Почему бы и нет, о славный! — в ту минуту она небесной,
 Обладающей анангу редкостным богине была под стать.
 И выглядела поэтому как сына твоего мать.

НАТТРИНЕИ 380

Очистительным маслом пропитаны и дымком,
 В пятнах и скверне одежда наша и руки;

Грудь, родинками покрытая, брызжет густым молоком,
 Тело, от близости к новорожденному, пахнет нечистотой;
 Обладателю колесницы, обретающемуся в квартале
 Женщин, чьи яркие и чисты наряды, мы не подходим;
 Так что на златострунном сладкоголосом йале
 Хоть ты играть и искусен, хвалебных нам песен не пой;
 Вернись к своему господину, в его, близ моря, селенье,—
 Дому труда и страданий не подобает пенье;
 Долгий ярем приводит в отчаянье даже коней.
 Не заводи безуспешно недостойных речей.

АХАНАНУРУ 116

О житель селенья, где воды струятся,
 Где полная каля хмельного повозка
 Работников, жнущих и в кучи сносящих рис красный
 Средь лотосов огнеязыких, в грязи увязает
 И ей под колеса кидают сладкий тростник прекрасный!
 Потерян, зная, стыд! Вчера средь залива,
 Поросшего пунгу-цветами, подобными жареным зернам,
 С блистающелобой, чья грудь так красива
 Под ниткой камней драгоценных, глаза — как незрелые манго,
 Короткие пышные волосы увиты цветами душистыми,
 Краса же благая пронзительна, словно копье, —
 Играл, говорят, ты в бегучей воде; эту весть
 Я ложью прикрыла, тая от подруги ее;
 Но молва полилась через край и стала шумнее
 Шума битвы, в которой воинственный Сэжиян
 Верхом на слоне, украшенном пятнами грязи,
 Средь простора близ Кудали, праздничной неизменно,
 Обрушившись на подобные морю станы
 Двух великих царей, затеявших нападение,
 Видел их спины, когда, ревушие барабаны
 Побросав, бежали они с поля сраженья.

АХАНАНУРУ 53

О подруга, живи!
 По дорогам, растрескавшимся от жестоких лучей диска,
 В стремительном беге по небу уничтожающего тьму блеском,
 По усыпанным опавшими белыми цветами мурукку

Безлюдным длинным дорогам в стране безводной
 Красный пес сверкающе-зубый с самкой голодной,
 Мимо растущих на пустоши, калли покрытой,
 Мимоз, которых стволы усеяны сплошь жуками
 С высохшими тельцами и скрученными носами,
 Бродят в тени камней с выбитыми на них
 Именами воинов, павших от стрел марава́ров,
 Лучников превосходных, мрачный путь стерегущих; —
 Кто этого дикого края преодолеть лишенья
 Решил, чтоб добыть богатство, и, молвив: «Сидящие дома
 Его не добудут», — тратит на это все свои силы, —
 Сердце того к богатству больше, чем к нам, влекомо,
 А ты, что любимый — милость, помнишь, мне говорила.

НАТТРИНЕЙ 166

Подобны сафиру и золоту
 Дивное тело твое и душистые волосы,
 Цветочным бутонам и трубчатому бамбуку —
 Полные страсти сурмленные очи и нежные руки.
 Когда я их вижу, душа моя полнится благом
 И с теми равняюсь я, кто добродетели вышей достиг.
 К тому же звенящий браслетами сын наш уже научился играть,
 И в дальней стране никого нет, с кем был бы я в споре, —
 О простодушная, ради чего мне тебя покидать?
 Любовь моя глубже, чем море.

НАТТРИНЕЙ 137

Когда замышляешь ты разлучиться
 С красавицей простодушной, круглые плечи которой нежны,
 А пышные волосы, ниспадая, благоухают прохладой,
 Трудную участь ты выбираешь — живи, о сердце!
 Где бродящий по диким просторам, лишенным
 Влаги ручьев, бегущих по горным склонам,
 Сильный слон, для того чтоб спасти
 От тяжких мучений голода слониху большеголовую,
 Из земли вырывает ствол изогнутый манго,
 Дававшего тень бредущим по этому краю пустынному, —
 Туда, к лесистым холмам, ты заставляешь идти.

АХАНАНУРУ 51

Коль задумаю разлучиться с темноликой, чьи очи как лотос,
 Чтоб обрести богатства, хотя бы ты и страдало
 Среди просторов, бамбуком, томимым жарой, покрытых,
 Когда в безлюдных местах, лучами солнца убитых,
 Тяжкий энной приникает к деревьям йа длинноствольным,
 В засохшей кроне которых, шумящей под ветром секущим,
 Гриф устрашающий с черными, словно уголь, боками,
 С красными, словно плоть разодранная, хохолками,
 Смотрит на самку в гнезде, алчущую мертвечины, —
 То вспомни, достойное сердце,
 День каждый соединенья,
 Когда домашним делам радуется хозяйка дома
 И часто меня обнимает, так что звенят украшения,
 И, как площадка, приподнята высокая крепкая грудь, —
 И об уходе забудь!

КУРУНТОХЕЙ 27

Подобна каплям сладкого молока
 Прекрасной коровы, на землю пролитого,
 Теленком не выпитого и не попавшего внутрь кувшина, —
 Моя, от меня сокрытая, не пригодная для господина,
 Отданная на съедение цветущей разлуки
 Темная красота лона, родинками покрытого.

КУРУНТОХЕЙ 124

Говоришь ты, что глушь, где деревья манго растут, лишена
 Благости — словно та, где деревни в упадок пришли, сторона,
 Где, вместе собравшись, торговцы солью бредут простором
 широким, —
 А сладок ли, о господин, дом одиночим?

КУРУНТОХЕЙ 16

Вспоминает ли нас, о подруга, бредущий краем пустынным,
 Где кустарника калли так прекрасны стволы,
 Где краснолапая ящерица подыскивает себе пару,

Свистя,— как свистит на ногте вращаемый
Грабителями из кальваров — чтоб заострился —
Наконечник железный стрелы?

НАТТРИНЕИ 148

Тот, кто ушел от нас, чтоб мужей достойное дело
Вершить, сказав: «Тебе не по силам путь в ту страну!»,
И нежно утешив при виде цвет изменившего твоего тела,
Сейчас, говорят, идет диким, гибельным краем,
Где красноглазый громадный тигр, в ярости прыгнув,
Вцепляется в бурю голову остробивневому слону,
Чтобы избавить от голода крепкокогтистую самку,
В горной пещере блаженно отдыхающую после родов,
И не боится множества марава́ров, собравшихся там
С гнутыми луками и со стрелами под деревом красноствольным
марам,
Которое подле безводной вдаль уходящей дороги растет.
Я не горюю, подруга. Да будет удачным его поход!

НАТТРИНЕИ 289

О подруга, живи! Тот, кто нами любим,
Хоть земля поколеблись под ним,
Слово давши, неколебим. Значит, туча,
Из огромного моря воды начерпав,
Потемнев, ливень шумный пролив, громкий голос подав
В знак начала сезона дождей,— это сделала все для меня,
Ибо, тлея, как корни дерев средь красивого луга,
Под которыми любит погреться пастух у огня,
Я страдаю, лишенная милости друга.

НАТТРИНЕИ 69

Многочувствительный диск, творящий день, приблизясь
К вершинам дальних гор, скрывается средь них;
Птиц возвращающихся ждут в гнезде птенцы;
Льнут к антилопам черношение самцы
В лесу, где рты бутонов приоткрыл муллей
И тондры так цветет, что стала глушь светлей;

Звучат свирели пастухов, опершихся на посох,
И колокольцы стад, бредущих с пышных пастбищ; —
Лишенный милости, звенящий тихо час.
Коль в той стране, куда мужи на труд достойный
Ушли, бывает так, как здесь, по вечерам,
Разлуки не снесут те, кто остался там.

НАТТРИНЕИ 97

Тяжко слышать немолчные пени кукушки,
Как копыта, летящие в сердце, что ноет
От старой глубокой гноящейся раны.
Еще злее река, свежей влагой набухшая, воет.
Всех жесточе же дочь землепашца из края лесного,
Что с корзиной из пальмовых листьев идет и взывает:
«Не возьмете ль букетик чампаки или зеленый вьюнок?»
Прекрасен и мягок каждый их лепесток».

НАТТРИНЕИ 99

О красавица простодушная! Ты сказала:
«Вот, наступил сезон, когда обещали вернуться
Те, кто прошел горячей бесплодной землей, внушающей страх,
Где сверкающий зной обволакивает, как покрывало,
Пустынную, длинную, без капли воды, дорогу».
Но это лишь туча шальная, брюхатая влагой, выпитой в море,
Забывшись и напряженья не выдержав, ливнем пролилась.
Пыдавам же, кондрей и кандаль, поверив чуду,
Радостно сердцем затрепетали: «Это сезон дождей!» —
И глупые, зацвели повсюду.

КУРУНТОХЕИ 108

Когда коровы (чьи хозяева живут
В селеньях на холмах) бредут к своим телятам,
То безупречно белый цвет жасмина, что раскрылся
На свежелистых стебельках в лесу,
Окрашивается багрянцем неба.
Подруга, я такой разлуки не снесу.

О черная туча, начавшая новый сезон дождей,
 Который дорогою сумерек смутных пришел,
 Чтоб в чаще, зачахшей от зноя, раскрылись цветы
 Пыдавам, влекущие жаждущих пчел,
 Подобные стайкам девушек с веночками в волосах! —
 Знаешь ли ты, что с ним? Когда он придет? Дай ответ.
 Пристало ли благородному долго отсутствовать? Нет!
 Змеи и те, в замешательстве под шумящей водой
 Вытянувшись и грома боясь, капюшоны сжимают.
 Он же, достойный, смягчиться не хочет душой,
 И потому мне не сладостен голос громовый твой!

НАТТРИНЕЙ 248

Зеленые медоуханные завязи в мелкобутончатых купках муллей,
 Напоминающих бурую, всю в морщинах, морду слона,
 Распускаются на прохладных ветвях, час от часу хорошея.
 «Ливнеобильный сезон дождей — пора возвращения», — сказал он.
 Неужто теперь помутится мой разум,
 словно у глупых павлинов, радостной пляской
 Приветствующих удары обманные грома,
 Которые наперекор природе ты производишь, чтоб муча
 Сердце мое, видеть муку его, — живи, о туча!

НАТТРИНЕЙ 381

Говорят, что страдания — свидетельство истинности любви,
 Так что хоть я и избегла смерти, но не лишилась доли любовной:
 Сердцем, непрестанно трепещущим, словно
 Красиво повисшие корни дерева манго в лесу
 Над речкой, которая берег подмыть стремится,
 Как я страдания разлуки перенесу —
 Если туча, дожди начавшая, ныне стала достойна хвалы,
 Будто место, где, сердцем щедр, раздает колесницы,
 За что и увенчивается повсюду сверкающей славой
 Недуман Аньджи, владелец могучих слонов с поступью величавой?

Когда громоносная туча, нагрянув и стороны света застлав,
 Прольется, обильная струями, — полетит из канав
 Крик полосатых лягушек, как бой барабанов с поляны для танцев;
 Красотою сияет кондрей, чьих соцветий гирлянды
 Напоминают подвески из чистого золота в чаще лесной;
 Приподнимает тóндри головку цветка-фонаря;
 Расцветает вокруг дома муллэй; звери сходятся на водопой
 У расселин, наполненных свежей водой, —
 Начинается время дождей: мой любимый
 В шумном стане горячего гневом царя
 Весь в мечтах о победе, о нас же не вспоминает.
 Как, подруга, тут быть?
 Бурное время вечера нелегко переплыть,
 Если, словно убийство замысливший, он наступает.

АХАНАНУРУ 4

Остроконечные выпускает бутоны муллей,
 Нежностеблистые — раскрывают чилибуха и кондрей,
 Самцы антилоп с рогами, словно скрученными из железа,
 Скачут по гальке в низинах, полных воды,
 Все более радостны дали цветущих полей,
 Покрытое тучами небо брызнуло быстрыми каплями,
 И лес, чьи заросли ныне стали красивы,
 Сделало лесом сезона дождей.
 Поющие, словно струны, поводья опущены,
 И у коней развеваются и подлетают гривы
 При каждом потряхивании головы.
 Славный возникший подвязал язык колокольчика
 Из боязни спугнуть собирающих мед
 Пчел, друг с дружкой летящих среди цветущей листвы.
 Гляди же! сейчас приедет властитель страны холмов,
 Вспомнив о благе всехвальному, которым являешься ты,
 Украшенная браслетами и душистая, как цветы
 Кандаля, чей аромат только что нежно пахнул
 В высоких горах к востоку от Урейгура,
 Откуда доносится праздничный гул.

Прекраснолюбая, одна, в своем селенье
 Глухие ночи росные проводит,
 Когда на юг туч ливневых движение
 Как бы сдирает с шири неба кожуру,
 И открывается на севере к утру
 Туман, в котором гаснет блеск лучей,
 Кончая месяц тай дождей прохладных,
 От чьей красивой пыли расцветают
 Еще закрытые бутоны пахандрёй,
 Напоминающие скрученным цветом
 Верх раковины, срезанный клинком
 Того из брахманов, кто жертвы не приносит.

А я, я — в стане гневом сильного царя,
 Чье войско сон свалил, а сам он вынул
 Меч мощной дланью и назад не прячет,
 В ночи, под барабанный бой, похожий
 На то, как ливень стрел стучит в щиты из кожи,
 Скрепленной гибкими ветвями, и под звон
 Длинноязыких колокольцев на слонах
 С глазами маленькими, с бивнями, которых
 Ступились острия от нападения
 На мощные ворота крепостей,
 Когда крошатся при ударах украшенья.

АХАНАНУРУ 174

Не знает она, что мы скоро приедем, вдали оставив
 Гром барабанов, которые били, героев прославив
 В час награждения цветками из золота, словно бы говоря:
 «Непреходяща победа для тех, кто обладает счастьем
 Одолеть, оружие взяв, взявших оружие —
 На поле битвы, где противостояли два великих царя».
 Когда старые плети листвою одевает муллей прямопрутый,
 Каково тогда той, чья кожа покрыта
 Скорбным цветом разлуки, кто при каждом ударе грома
 Из ливневых туч, гремящих в утренней части неба,
 Все больше впадает в отчаянье, все больше на нас сердита
 И, темнотелая, легкими мерит шажками
 Широкий песчаный двор прекрасного дома,
 И тело ее, цветущее безупречными метками родинок,—
 Словно венгей благоуханный с раскрывшимися цветами.

Взбирающиеся по склонам к вершинам гор медоносных
 Цветы серебристые кустов мусундэй редколистых,
 Раскрывшись, сияют роскошно, как звездное небо в полночь,
 Когда пастух с корзинкой из листьев кокосовой пальмы
 В венке из цветов муллея и тондри прохладно-душистых,
 Так что кружатся пчелы над его головой,
 Собрав ягнят, греет руки над тлеющей головней,—
 Здесь, в этом лесистом краю пашен трудноподъемных,
 Где смешиваются крики протяжные юрких шакалов,
 Преследующих в просторах крошечных-темных
 Большую семью кабанов, чьи сверкают глазки,
 Со звуками черных рогов, в которые для острстки
 В полях караульщики дуют,—находится здесь селенье
 Изящно украшенной, с черными прядями пышных волос,
 Той, что полна любви и нетерпенья.

НАТТРИНЕЙ 81

Чтоб затряслись колокольцы на шеях коней длинногривых,
 Доблестных в деле, царем пеняемых,
 С крепкими, в скачке не оступающимися ногами,
 Рвущихся к стойлам так, что сжимается ширь земли,—
 Запрягай, колесницу, возничий,
 Чтоб видеть улыбку сладостную мы могли
 Темнотелой прекрасной женщины, что лишается сил,
 Жаждающая обновления
 Красоты и рыдая так, что кончики дивных грудей
 Вдрагивают, колебля ниспадающие украшения,—
 Спеша, ибо царь, гордый мощью, свой воинственный гнев
 охладил.

АХАНАНУРУ 224

Возничий, погоняй! Час темноты настал.
 Искусно надо натянуть поводья,
 Чтоб, крепконогие, как ветер мчались кони,
 Ярмо на шеях, и дыханье жарко —
 Как будто яростно кузнец мехи качает,
 И пена, белая и чистая, как масло,

Всплывающее в пахтанье молочном,
 В нить паутины истончася, стекает
 И обрывается; сандаловая мазь
 На их груди засохла; лоси в страхе
 Вприпрыжку убегают в лес, обретший
 После жары красу, ласкающую взгляд;
 Сверкающие спицами колеса
 Врезают почву и в песок въезжают с шумом,
 Подобным шуму мельницы ручной,
 В которой зерна жареного риса
 Скукожившегося хозяйка дома,
 Достойная лишь жалости, а прежде
 Изысканно украшенная, мелет,
 Блестящие браслеты поправляя,
 И, озирая вновь и вновь просторный дом:
 «Подруга,— шепчет,— где опора нашей жизни?»

АХАНАНУРУ 93

Коль мужеских сил, стремлений и желания хватит —
 Чтоб ради дружбы с соседями и пропитанья семьи
 И избавления близких от угрожающей бедности,
 Нам, воюющим ныне за прекрасные драгоценности,
 Подобные недоступностью Урандею (где заседают
 Поддерживающий дхарму царский совет воинственных,
 Гирляндами и роскошными венками украшенных Чолов),
 Благополучно покончить с этим опасным делом,
 Тогда-то, по возвращении, с женщиной, смуглой телом,
 Которой длинные волосы черны, а лоб ароматен
 (Как благовонья дневных базаров Кудали —
 Столицы увитого маргозой невянущей Вáжуди,
 Предводителя ярой армии, крепости покорявшей),
 В доме, небес касающемся, подобьем горы с пещерами,
 На постели, которую скрыли, как пена, цветы,
 При сиянье светильников длиннопламенных с высоты,
 Так, чтобы украшения оставили множество вмятин
 На нежной груди,— обнимемся (радость пошла, о сердце!),
 Обнимемся больше раз, чем песчинок в Анборуней,
 Прохладной реке светловодной, с высокими берегами,
 С бухтою Карувура, славной дворцом царей
 Черы, гирляндой увитых, чьи длинны колесницы,
 Чьи яростные слоны, с хоботом страшным, громадны

И богу смерти подобны, когда в опьянении течки
 Ревя и взрывая землю, исполосованнолобые,
 Они хватают людей, стремительны и беспощадны.

АХАНАНУРУ 184

Не только исполненной блага женщине, обладающей
 Божественной добродетелью и многохвальным достоинством
 Рождения сына, светильника рода, но также и мне
 Сладостно ныне. Да будет жизнь твоя процветающей!
 Наполнив душу величием свершенных подвигов,
 Позади ты оставил чашу с жужжанием пчел,
 Где пίδαвам серебристый расцвел,
 Где с антилопой пятнистой своей
 Бродит прекрасный самец, чьи рога изысканно гнуты,
 Они пьют чистую воду и губят дыханьем
 Сияющий полнотою цветенья муллей,
 В сплетенных ветвях которого прячется короткопрутый,
 Короткошипый кáлли.
 Народ, на полях прибывающий мотыгами сорняки,
 Напившись пальмового вина, веселится.
 И в час, когда небо побагровело,
 Ибо лучи уходящего солнца тусклыми стали,
 Звенят колокольцы в гирляндах, и быстрая колесница
 Шумит, как бегущий меж скал ручеек своенравный.
 И вот ты приехал, о господин достославный!

КУРУНТОХЕЙ 270

Висящую тьму рассекая, сверкая, роняя
 Брызги прохладно-сладостные, стуча, громыхая
 И, как под ударами барабан, рокоча могуче,
 Льющая дождь — да живи, о громадная туча!
 Мы, дело задуманное свершив, душой возвеличась,
 Ту, которую сладостно возжелали,
 Ту, чьи мягкие волосы благоухают
 Цветком кувалей короткостеблстым,— в объятиях сжали.

ТИРУМУРУГАТТРУПАДЕЙ

[Тируппарангундрам]

Он — ярко сверкающий свет, никогда не гасимый,
Видимый издалека, как многохвальное солнце,
Из моря, вращаясь вправо, встающее миру на радость;
Он — поправший неведение стопой, приближенными чтимой,
А руками, как молниями, поразивший врагов;
Он — муж ясноликой с челом чистоты безупречной;
Он — увитый гирляндой из скручивающихся цветов
Кадамбы толстоствольной, столь пышно цветущей, что

мраком.

Наполнена чаша, прохладой дышащая под неумным
Первым ливнем, летящим с небес, расколотых блеском,
Из туч, беременных влагой, начерпанной в море темном.
И вот, в поднебесных горах, поросших высоким бамбуком, —
Бамбуковоплечие, округлобедрые, с гибким станом,
С браслетами над ярко-красною узкой стопою,
В одеждах не крашенных, но кошенильно-багровых
И с пояском — из нитей камней драгоценных — над лоном;
Чарующие красотою нерукотворной;
Сверкающие украшения из золота чистого навалъ;
С безукоризненным телом, свет излучающим дальний;
Вложившие в волосы влажные, расчесанные изящно,
Маленькие лепестки красночеренковых ветви
И чистые лепестки зеленостебельных лилий;
Осенившие голову орнаментом, как у Лакшми,
И прической, как раковина, закручивающаяся вправо;
Нанесшие тйлак на лоб, благоухающий медом;
Подвесившие к ушам украшения в виде ма́кары,
К пучку же локонов ровных — цветы прохладные чампаки;
Осыпавшие себя соцветьями яркими ма́рудам,
Чьи изнутри столь нежны цветочные темные чашечки;
Набросившие на грудь в драгоценностях тонких
Гирлянды бутонов красных с красивых ветвей подводных;
Заложившие за ушные раковины асб́ку,

Побеги которой под стать прелестным ушам сияют;
Покрывшие пастой, натертой из твердых кусков сандала,
Душистого, как цветок ма́рудам медоточивый,
Юные свои груди, подобные свитым бутонам ко́нгу;
Натершие тонкой пылью цветущего вѣнгея кожу;
Разбрасывающие ветвь за ветвью вилу́, влекущую взоры;
Победоносный флаг с петухом, устремившимся в битву,
Славящие восклицаньями: «Да живи долго!» —
Так поют, чтобы полнились эхом благие горы,
И пляшут под недоступными для обезьян деревьями
Небесные девы
Средь покрывшего горный склон кандала огнецветного,
Из чьих не тронутых пчелами соцветий сплетѣн
Прохладный венок, который возложил на голову — он,
Он — держащий копье, которым вступивший в холодный
Окружающий землю океан многоводный
Сур был сражен.

И пока колтуноволосые, зияющеротые,

бесформеннозубые,

Чьих вертящихся глаз взгляд зеленый мучителен,
Обвешанные злыми змеями и совами пучеглазыми,
Задевающие ушными мочками свои груди висающие,
Демоницы шершавобрюхие, устрашающе колченогие,
Держа в огромных руках, поблескивающих браслетами,
Зловонные черные головы, глаза которых, когтистыми
Кривыми, кровавыми пальцами выковыренные, проглочены;
Угрожающе воспевая поле битвы убийственной,
Плечами и ртом трупоядным дергаясь, пляшут ту́нангей, —
Он — с алым копьем, неослабно хвалимый сын
Силы победной, сразил дерево манго в цвету,
Первое для авуна́ров, хранившее мощь их власти,
И в страшном гневе рассек того на отдельные части,
Кто был двузначен обличьем, притом что телом един.

И если к его, победителя, стопам устремленной душою
Ради познания мудрости и приверженности ко благу
Ты в путь пожелаешь пуститься, то сладостных суть желаний
Твоих, что во многих телах таились, исполнится тотчас —
Тогда ты вкусишь плоды предшествующих деяний.
Иди же туда, где висят длинный военный флаг,
Кукла и мяч лоскутный на воротах близ улиц торговых,
Чуждых кровопролитию, приятных богине благ,
В богатой домами Ма́дуре, к западу от которой
На темногрязовом поле в колючестебельных лотосах

Спят до зари, а потом гудят над пьянящим нёйдалем
Прелестнокрылые пчелы, роем пестрым летя
К сияющему на солнце цветами ручьев холму,
Пребывать на котором присуще ему. [И далее:]

[Тируччиралеивай]

Его, мчащегося на безудержном, словно ветер, слоне,
Чей лоб, в шрамах от копий, вонзившихся на войне,
Прикрыт пластиной колеблющейся и гирляндой невянущей;
От чьей поступи тяжкой трясутся, звеня, колокольцы;
Чьей мощи, как богу смерти, нельзя противостоять;
Его — в короне, на коей неодинаковых пять
Украшений и камни, соперничающие красотой,
Так что чело обретает величье в их молнийном блеске;
Его — чьи изящно качающиеся золотые подвески
Со свисающими самоцветами мерцают, сверкая как звезды,
Окружающие луну, свет которой виден повсюду;
Его, пребывающего в сердцах тех, чьи труды по своей
Природе неуничтожимы, — испускает потоки лучей
(Чтоб мир очистить от скверны, чтобы не было в мире темно)
Его, светлоголикого, одно лицо; еще одно,
Когда его славят исполненные любви
И радости, одаряет благодеяниями; еще одно,
Дабы не было отклонений от правил при чтении мантр,
Прислушивается к брахманам, жертву творящим; еще одно
Смыслы, при этом сокрытые, сосредоточенно ищет
И, как луна, освещает стороны света; еще одно,
В непрекращающейся войне уничтожая врагов,
Жертву приносит в гневе на поле битвы; еще одно
Радуетса общенью с Вáлли: дочь куравáров юна,
Стан ее — словно лиана, поступь ее — скромна.

И как согласно порядку каждое из трижды двух лиц
Ведет себя, так из рук, подъемлющих и опускающих
Копье, лучезарное, славное, врагов повергавшее ниц,
Из рук, на грудь под гирляндой нанесших красные полосы.
Из рук тех одна указывает на ведцев, которым дана
Способность движенья по воздуху; на стане — еще одна
Лежит; на укрывших бедро одеждах — еще одна;
Анкуш — в еще одной; две другие вращают
Вправо копьё и диск огромный; еще одна
К груди прижата, сверкает; еще одна
Вместе с гирляндой цветет; еще одна,

С ниспадающими браслетами, поднята вверх; еще одна
Держит сладостнозвучные колокольчики; еще одна
Льет дождевые обильные струи с небес; еще одна
Небесных дев украшает свадебною гирляндой; —
Так действуют все двенадцать рук, по-своему каждая.
Гремят литавры небесные; ввысь поднятые трубят
Крепкие трубы; белые раковины гудят;
Под бой барабанов, как гром ревуших, павлин орет,
Многопятнистый с победного знамени, — таково
Задуманное как быстрый по воздуху перелет
В прославленный на весь мир, достохвальный Алеивай
Непрекращающееся прибытие его. [И далее:]

[Тиругавинангуди]

В одеждах, сшитых из лыка; с серебристо-седым узлом,
В виде закрученной вправо раковины, на голове;
С сияющим безупречной чистотой челом;
Антилопей шкурой укрыв иссохшую грудь;
Исхудавшие столь, что кости при ходьбе выпирают из тел;
Не вспоминающие по многу дней про еду;
Ярость уничтожающие разумом и вражду;
Ведающие и то, что не открыто умам;
Где знанию положен предел, первенствующие и там;
Обладающие природой, губительной для тревог,
Так что любая страсть и гнев пропадают втуне; —
С видом бесстрастным и удовлетворенным — впереди
выступают мўни.

В одеждах безукоризненно чистых, как белый дым,
Гирляндой из распускающихся цветов украсив грудь,
Теша сердце столь тонко настроенным йалем благим,
Что слуху и изощренному приятен его напев,
Касаются сладких струн гандхáрвы нежногоголосые,
Блистающие безызынной красотой в окружении дев,
Чья плоть по своей природе не знает боли,
Чья цветом подобна побегам манговым кожа
В родимых пятнышках, вспыхивающих огоньками
Золотыми при ярком свете, — дев, улыбками
Сладостными дарящих и сверкающих поясками —
Из нитей камней драгоценных — над лонами гибкими.
Изогнутокрылую, пеструю, разящую сильных змей,
Чьи белые зубы содержат в узких канальцах яд,

А устрашающий выдох, как огонь, оставляет ожог,
 Птицу на длинном знамени подымающий бог;
 Знамя с белым быком множеством рук отклоняющий
 Вправо, ўмой слепящий, немигающий третьим глазом,
 Три крепости сокрушивший, полный ярости бог;
 Тысячеокий, скопивший от сотен жертвоприношений
 Губительную для врагов победную силу,
 На шее слона, задравшего огромный висаящий хобот,
 Вздымающего две пары бивней, ступающего величаво,
 Восседающий, славный красую и процветанием бог; —
 Так вот: явившись с единственным замыслом охранить
 Мир потревоженный с храмами четырех величайших,
 Они, чтобы вновь тремя первочтимыми стать, все три
 Обращаются к четырехликому, рожденному в лотосе,
 Имеющему нескончаемые эпохи существования;
 И возникает чуждое вражды и раздоров зрелище
 Тридцати трех богов, пребывающих в четырех естествах
 разносвойственных,

И восемнадцати тех, чье столь высоко состояние:
 Их появление — как возгорание звезд,
 Как к звездам взлетает вихрь — так двигаются они,
 Как в вихре вспышка огня — такова их мощь,
 Как при вспышке громовый удар — их голос таков;
 И, дабы видеть летящих по воздуху их — за тем,
 Чтоб прежний вернул он порядок, понесший столь злой урон,
 С женщиной безупречного поведения и чистоты
 Несколько дней проводит в Авинангуди он. [И далее:]

[Тируверагам]

Там, где, держась обычая свершать дважды три обязанности,
 Отпрыски древних родов, где чтут обоих родителей,
 Проведшие сорок и восемь благодатных лет юности
 Праведно и исполняя предписания добродетели,
 Владеющие богатством трех огней трех разновидностей,
 Дваждырожденные — произносят в нужный срок заклинания,
 Во влажных после омовения одеждах, на теле сохнувших,
 С трехпрядным тонким шнуром, из девяти нитей скрученным,
 Руки то воздевая, то складывая в знак почитания,
 Славят его, распевают шестисложную мантру
 Со смыслом глубооксрытым, неслышную никому,
 И поднимают цветы душистые и радуются премного —
 Там, в Ёрагам, пребыванье присуще ему. [И далее:]

[Пляски на каждом холме]

Он, копыносец, в венке из зеленых стеблей,
 Плодами благоухающих, с перцем пышнобутонным
 Сплетенных, с жасмином диким и с серебристым пасленом,
 Когда люди лесные, чей труд — убийство с помощью лука,
 Грудь натерев ароматной яркой сандаловой пастой,
 От хмельного напитка, созревшего в трубках бамбука,
 Развеселившись, с родичами в маленьких горных селениях,
 Сходятся в кұравей-танце под мерный бой барабанчиков.

Он, с этого племени девами в венках, окруженных пчелами,
 Сплетенных из распутившихся в глубоких горных источниках
 Цветов, от прикосновения ароматы своих изливающих,
 В гирляндах, украсивших волосы, и в ладных прохладных юбочках,
 Из листы базилика сплетенных попеременно с белыми
 Красностебельными соцветьями кадамбы, пчел поющими,
 Укрывших лоно, увитое нитями камней драгоценных, —
 С девами, что, как павлины, ходят шагами несмелыми,

Он, красный, в одеждах красных, красноствольной асоки
 Качающиеся прохладные побег вдевший в уши,
 Надевший ножные браслеты, пояс, венок из ветчи,
 Поднимающий знамя с петухом безупречным, высокий,
 Украсивший плечи браслетами, с козлом и павлином у ног,
 Подпоясанный так, чтоб держалось скрепленное скобу
 Прохладное, нежнодушистое, ниспадающее одеяние,
 Под звуки множества маленьких музыкальных орудий,
 Флейт, рога и голосов, сладких, как струн звучанье, —
 Танцует, легко поднимая руками их, нежноплечих,
 На антилопу стайку похожих, стремясь привлечь их
 К себе, уступая им место, танцует он — таково
 На каждом холме проявление непрекращающееся его. [И далее:]

[Пажамудирсолей]

Там, где, начавшись с разбрасыванья цветов и зерен чумизы,
 С закалания козла и подъема знамени с петухом,
 В каждом селе справляются великолепные праздники,
 Везде, где с ним пребывают ревнующие о нем,
 На полянах, расчищенных для безумного танца вёлана,
 В рощах, в лесах, на скрещеньях и на развилках дорог,
 На островах прелестных, в водах озер и ручьев,
 Во многих других обиталищах, в снова зацветшей кадамбе,

В местах собраний под деревом, на площадях, у столбов;

Там, где славное знамя укрепив, умастив его
Маслом с горчичным семенем, заклинанья шепча,
Поклонившись почтительно, щедро рассыпав цветы,
Две окрашенных разно одежды надев, повязав
Вкруг кисти красную нить, зерна жареные разбросав,
Кровь козла крепконового, обильного туком, смешав
С чистым рисом, комочки слепленные раскидав,
Благовонья развевя, бросив горсти шафранных плодов,
Гирлянды благоухающие раскрытых прохладных цветов
Обрезав одна к одной и на себя возложив,
Святилища на отрогах теснящихся восхвалив,
Дым воскурив душистый, кúриньджи песнь запев
Под звучание сладостных струн и гремящих ручьев,
Рассеяв цветы прекрасные, зерна чумизы рассыпав,
С кровью ужасной смешанные, красные, — дочь куравáров,
Приготовив для Мúругу музыку, чтоб испугались

ослушники,

В святилище устрашающем, путь к Мúругу указующем,
Запела, поляну шумом оглашая, во многие
Трубы начав дудеть и трясти колокольцами,
Павлина могучего славя, —

повсюду, где

Просящие и получающие идут к нему на поклон,
И там, и здесь, и везде обретается он.

И то, что достойно видеть, там, и здесь, и везде
Когда пред собой увидишь, руки смиренно сложи,
Лицо успокой, восхвали его, пади к ногам и скажи:
«В озере с дáрбха-травой в высоких горах
Принятый на руки одного из пяти,
О рожденный шестью бог в шести естествах!
Бога, сидящего под баньяном, — сын!
Дочери темных гор — сын! Для врагов — бог смерти!
Кóттравей, богини войны победной, — дитя!
Древней, украшениями славящейся, — отпрыск!
Гнутолукого воинства небожителей — предводитель!
Гирляндогрудый! Мудрец, обладающий знаньем!
Первый в сражении! Герой, в битвах могучий!
Сокровище брахманов! Красноречья всеведцев обитель!
Женщин прекрасных супруг! Средь многосильных — бык!
О с копыеносной рукою великий бог!
Наделенный победной мощью, гору рассекшей,
Края кúриньджи — гор поднебесных — властитель!

Средь многохвальных благоречивых поэтов — лев!
В труднодоступном искусстве знатный именем Муруган!
Славный тем, что стремящихся к тебе — удовольствуешь!
О одаряющий страждущих, весь в золоте повелитель!
На груди, испытавшей множество битв убийственных,
Просителей успокаивающий Высокий Юноша!
Великими всехвально именуемый бог!
Для рода Сура губительная, изобильная мощь!
Повелеватель! Воители!"

Так беспрестанно хвалу вознося как умею,
Я — поскольку познать тебя трудно, неизмеримый, —
Просто притек к подножию стоп твоих,
О обладающий мудростью и ни с чем не сравнимый! —
Едва лишь подумаешь так, произнести не успею,
Как появится множество карликов в разных обликах
На поляне предпраздничной, ей вид изобилия придав:
«О великий, достоин милости мудрый проситель,
Который явился, щедрости славной твоей возжелав!» —
Такие, средь многих похвал, они изрекут слова;
И — ослепляя мощью, достойною божества,
Он сам, до небес вырастая; приближаясь; та́й
Свой чреватый мученьями образ высокий; а древний
Свой образ, благоухающий юной красою, явив:
«Страх отгони, пришелец! Цель мне известна твоя!» —
Эту благую речь с любовью проговорив,
Тебе, чтоб лишь ты избегул гибели в мире, который
Океаном трехводным темнеющим окружен,
Трудный для обретения дар пожелует он,

Он — властвующий над горами, с которых меж древних
рощ

Потоки бегут, трепещущие, как полотна знамен,
Несущие áхил, трясущие толстоствольный сандал,
По цветущим ветвям и корням ударяющие бамбук,
Раздробляющие множество слепленных близ вершин
Прохладных душистых сотов, похожих на солнечный круг;
Увлекающие теченьем мякоть хлебных плодов
И множество с дерева лúнней падающих цветов;
Заставляющие дрожать черных лицом обезьян
И мерзнуть пятнистолюбых слоних; а больших слонов
Поверх прячущих жемчуг бивней покрывающие водой
Волн — прыгающих, вымывающих золото и сапфир
Ослепительные; выбрасывающих золотой песок;
Сокрушающих толстые банановые стволы

И бьющих о берег так, что с кокосовых пальм
 Срываются грозди полных свежего сока плодов,
 Соцветья черные перца склоняются на ветвях,
 Павлины, чей хвост пятнист и поступь скромна,
 И крепконогие куры лесные в испуге бегут,
 Косолапые черные медведи, чья шкура — как ствол
 Щепчатый пальмы пальмировой, и с ними семья кабана
 В расселинах скал высоких прячутся кто куда,
 Лесные быки ревут... — Так с высоты вода,
 Долгим гулом наполнив горы, стремится ниспасть,
 И вот: страну эту горную его осеняет власть!

КОММЕНТАРИИ

Переводы выполнены по следующим изданиям текстов: Аханануру. Комментарий. Н. М. Венгадасами Наттара и Р. Венгадасалам Пиллей. Тирунельвели — Мадрас, 1961; Курунтохей. Комментарий. У. В. Свамнатханяра. Мадрас, 1955; Наттриней. Тирунельвели — Мадрас, 1954; Паттуппатту. Комментарий. П. В. Сомасундаранара. Ч. 1—2. Тирунельвели — Мадрас, 1962; Пуранануру. Комментарий. У. В. Свамнатханяра. Мадрас, 1971.

Названия антологий приводятся в сокращении: «Аханануру» — АН, «Курунтохей» — КТ, «Наттриней» — НТ, «Пуранануру» — ПН.

ПОЭЗИЯ ПУРАМ

ПН 312. Поэт Понмудияр вкладывает в уста женщины из рода воиннов слова, выражающие героический идеал древнетамильского общества.

ПН 22. Поэт Курунгожиор Кижар, воспевая Мандараму Чералирумборей, царя Черы, сравнивает его страну с огромным военным лагерем.

куравей — танец, широко распространенный на юге Индии; танцующие, двигаясь по кругу, кладут руки друг другу на плечи.

ПН 26. Мангуди Кижар (Мангуди Маруданар) восхваляет пандийского царя Недунджежиана, разгромившего в битве при Талейалангаламе (Аланганаме) объединенные армии царей Чолы, Черы и нескольких мелких властителей (нач. III в. н. э.).

Сежиан — это имя означает «процветающий» (*Недунджежиан* — «долго процветающий»). Царю посвящено много стихотворений различных поэтов и поэма «Мадураикканджи», а также, как полагают, поэма «Недунальвадей».

Недунджежиан был покровителем поэтов и сам сочинял стихи. Ему приписывается стихотворение ПН 72.

В настоящем стихотворении царь описывается как свершивший «жертвоприношение битвы» по древнему местному обычаю и в то же время принесший жертвы по арийскому образцу под руководством «первых в четырех Ведах», т. е. брахманов.

Веды — древнейшие священные книги индийцев.

...жить будут в мире том — т. е. в мире погибших героев.

ПН 18. Кудупулавиянар дает мудрый совет царю Недунджежиану.

трехводный океан — распространенный в тамильской поэзии образ. Океан состоит из вод неба (дождь), земли (реки, ручьи) и своих собственных.

ПН 34. Алаттүр Кижар обращается к Килли Валавану, царю Чолы, известному своими победами над царями Черы и павшему в сражении при Куламуттрам. «Валаван» — эпитет, означающий того, кто процветает, богат, щедр. В ПН ему посвящено 18 стихотворений, одно (173) приписывается ему самому.

...утверждается дхармой — букв. «поется дхармой (или о дхарме)». Возможно, здесь имеются в виду строки из дидактического сборника «Тируккурал» (110):

Погубившему благо любое — найдется спасение,
но спасения нет

Погубившему благо даанья.

В данном контексте целесообразно процитировать пояснение английского индолога А. Бэшема: «(Дхарма) означает установленную божеством норму благочестивого поведения, варьирующуюся согласно сословию и касте... Возлагаемая на царя обязанность охраны подданных относилась прежде всего к охране дхармы, и как ее хранитель царь считался ее воплощением» (А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. М., 1977, с. 122—123).

ПН 41. Ковур Кижар воспекает Килли Валавана.

ПН 50. Мосикиранар поет о царе Черы Перунджерале Ирум-борее.

ПН 105. Кабилар воспекает тамильского князя Пари и его владения на холмах Парамбу. Пари — один из семи знаменитых тамильских «щедрых покровителей» (Пари, Кари, Ори, Адиян, или Ежини, Пекан, Ай, Налли), известных по стихам антологий и поэм. Его бескорыстие, щедрость и доброта приобрели легендарное значение.

С именем Пари неразрывно связано творчество поэта Кабилара, брахмана по рождению. Кабилару принадлежат целый ряд стихотворений в антологиях и поэма «Куринджиппатту». Кабилар вел бродячий образ жизни, пел панегирики многим царям, но, встретив Пари, остался при нем и воспевал только его. Их взаимоотношения переросли в дружбу, и когда Пари погиб, защищая свою горную крепость от выступивших против него армий царей Черы, Чолы и Пандья, Кабилар взял на себя заботу о двух дочерях Пари, которому он обещал выдать их замуж.

Стихотворение имеет форму «аттруппадей» («наставление на путь к благодетелю»). В данном случае поэт обращается к вирали, странствующей поэтессе и музыканту.

ПН 70. Ковур Кижар в стихотворении типа аттруппадей воспекает Килли Валавана, царя Чолы.

Киней — одна из разновидностей барабана. Образ «глаз барабана» обязан своим происхождением пятну в виде круга в центре ударной поверхности барабана. Этот круг — след специальной пасты, наносимой для лучшего звучания инструмента.

оба вида целебного снадобья — здесь подразумеваются вода и рис.

Паннан — один из мелких древнетамильских правителей.

ПН 164. Перунталей Саттанар воспекает Куманана, одного из тамильских князей, прославившегося своей щедростью.

ПН 175. Каллиль Аттирейанар обращается к Аданунгану, правителю небольшого княжества в горах Венгада. В последних строках стихотворения, по-видимому, подразумеваются походы в этих горах, через которые проникали в Южную Индию войска североиндийской династии Маурьев.

ПН 204. Стихотворение посвящено Ори (или Вальвийль Ори — «сильнолукий Ори»), правителю небольшого княжества в горах Колли на территории царства Черы. Имя автора неизвестно, прозвище его — «Кажетин Йаненяр», т. е. «Тот, кому принадлежит [строка]: слон, поедающий бамбук».

...винит птиц и сроки — сетует на плохие приметы или предсказания, в которых большую роль играли птицы, и на неблагоприятные времена.

ПН 228. Поэт Аиор Мудаванар («Хромой из Аиюра») рассказывает о похоронах царя Чолы Килли Валавана. Подразумевается положение тела в урну с крышкой, один из способов захоронения умерших в древней Южной Индии. Существовали и другие способы захоронения: сжигание, оставление на съедение животным, погребение в могилах, помещение тела в каменные склепы (дольмены).

Сембиян — династийное имя Чолов.

Мадураикканьджи

«Каньджи» — одна из тематических разновидностей поэзии пурам, поэма, в которой содержится благой, мудрый совет (см. ПН 18). Таким образом, название данной поэмы из собрания «Паттуппатту» можно перевести как «Благой совет в Мадураи», а если расширить его в соответствии с содержанием поэмы, то оно будет звучать так: «Благой совет царю династии Пандья Недунджежиану, данный ему в Мадураи, столице пандийского царства». Создатель поэмы, поэт Мангуди Маруданар, большую ее часть посвятил описанию и прославлению Мадураи и прилегающих к ней земель.

О Недунджежиане см. примеч. к ПН 26.

тройные воды — см. примеч. к ПН 18.

...дут ветры вправо... — правая сторона считалась благой, поэтому выражения, подобные этому, нередки в поэзии: ветры дуют вправо; туча, вздымаясь, забирает вправо. Так же раковина с линиями, закрученными вправо, встречаемая довольно редко, приносит удачу.

...слоны высятся величаво, им легко поддерживать землю — слоны, поддерживающие землю, — образ, взятый из североиндийской мифологии. Здесь поэт подчеркивает величие царской власти.

тунгаей — экстатический танец, исполнявшийся во время празднеств, в ознаменование побед, при поклонении богине победы Коттавей.

древний бог, Южанин — Шива, культ которого распространен на юге Индии.

два царя — цари Черы и Чолы.

...Недийона, который стране помог дааньем земли... — здесь говорится о том, что Недийон, один из царей династии Пандья, расширил свои владения. Средневековый тамильский комментатор Наччинаркинниар считает, что здесь речь идет о Вишну; Недийон — букв. «высокий», «длинный», один из эпитетов Вишну, но так иногда называют и Шиву.

«Рисовая обитель» — Неллур, или Салиюр, букв. «город риса» — порт в царстве Пандья.

кижары — приспособления для подъема воды на поля с корзинами-черпаками из пальмовых листьев.

предводители Кудды — цари Черы.
Мудувеллилей — небольшое княжество, подчиненное пандийско-му царю.

...богатеющие двояко — т. е. за счет земледелия и торговли.

четыре земли — куринджи, муллей, марудам, нейдаль.

...в Алангама их разгромивший — см. примеч. к ПН 26.

Коркей — крупный порт в царстве Пандья, бывший когда-то его столицей.

каль — алкогольный напиток, изготавливаемый из пальмового сока, риса или чумизы.

парадавары, точнее, южные парадавары — воинственное племя рыбаков.

защитные рощи — хорошо охраняемые рощи, которым придавалась сакральная роль в поддержании могущества и процветания царя. Разорение этих рощ или нанесение им ущерба (так же как и срубание защитного дерева, эмблемы царской власти) врагами означало поражение царя и его позор.

...на древнем круге земном пребывая... — имеется в виду «навал-лам-тиву», или «джамбу-двипа», один из семи континентов древнеиндийской мифологии.

амрита — мифический напиток бессмертия.

Ванан — асура, приверженец Шивы; асуры — в древнеиндийской мифологии соперники богов.

тодди — алкогольный напиток, приготовляемый из сока пальмовой пальмы.

Парангундрам — гора близ Мадурай, где расположено святилище Муругана.

Велли — Венера.

велан — жрец Муругана.

Ажумбил — один из городов Черы; *Манавиральвелль* — его правитель, мелкий князь.

анангу — 1) сакральная энергия, содержащаяся и способная накапливаться в объектах природы, предметах и человеке. Обладание анангу приравнивается к добродетели; 2) божество.

Кружатся, яростью исполняясь под гудение раковин... слоны... Ветер напоминающие прекрасные колесницы... Конница, как на кругу, проходит аллюром ади... И шаг выпивших каль воинов-пехотинцев Воинственен... — описаны древнеиндийские четыре рода войск: слоны, колесницы, конница, пехота.

...а день омовенья водой, праздника день седьмой... — существовал обычай праздновать седьмой после полнолуния день, совершать, когда он наступал, торжественное омовение. Праздник сопровождался прославлением царя и его побед.

Боевым топором обладающий, первенствующий Высокий... — здесь: Шива.

...поклоняются... Богу, прославившемуся защитой людей — имеется в виду Будда или Вишну.

Где аскезу свершающие поклоняются средь курений... и до Высятся эти обители громадой теснящихся гор — описание джайнских храмов.

квиди — по-видимому, сборщики налогов.

Моёйр — столица небольшого княжества под предводительством Пажениана.

косары — воинственное племя на северо-западе тамильского юга

Индии, в районе гор Западных Гхат. Об их происхождении достоверно ничего неизвестно. Четырехязычными их называют, вероятно, потому, что они говорили на четырех языках (диалектах) — тамильском, телугу, тулу, каннада. Косары славилась необыкновенной прямо-той и правдивостью.

советники четырех разрядов — возможно, имеются в виду министры, полководцы, посланники, согладатан.

царь приморской страны — царь Черы.

Онам — праздник, отмечаемый в Южной Индии, особенно на Малабаре, т. е. в Керале. Связан со следующим мифологическим эпизодом: царь асуров Бали (или Махабали) своим справедливым правлением приобрел могущество, которое стало угрожать благополучию богов. Тогда Майон (Вишну) явился к нему в облике карлика Ваманы и попросил три шага земли. Царь согласился, после чего Вишну мгновенно вырос и сделал три шага, одним из которых охватил землю, другим — небо, а с третьим шагом поставил ногу на Бали и низвергнул его в преисподнюю. По просьбе народа, однако, Бали было разрешено являться к своим подданным раз в году. Этот день и отмечается праздником Онам.

авунары — тамильское наименование демонов.

севважи — вечерняя мелодия, исполняемая на йале.

кюраль — первая струна йала.

чаллини — женщина-прорицательница.

обладатель копья острейшего — велан, жрец Муругана.

Высокий Юноша — Муруган.

Наннан — правитель горного княжества в царстве Конгу на северо-западе Южной Индии. Известен своей жестокостью.

Яма — бог смерти.

марудам — здесь: одна из мелодий, исполняемых на йале.

сүты, магадхи, вайталлики — различные разряды придворных панегиристов.

чакраватка — одна из разновидностей уток.

Мудукудуми — царь, один из предков Недунджежияна.

Ниландар Тирувиль Недийон — букв. «землю давший, с прекрасным луком Недийон»; см. примеч. на с. 81.

Маран — пандийский царь, предок Недунджежияна.

юные косары — здесь: косарские принцы.

с теми пятью, что украшены золотом... — это место допускает различные толкования. Могут подразумеваться советники пяти разрядов: министры, военачальники, жрецы, посланники, согладатан; или: предводители пяти небольших княжеств, подчиненные царю; может быть, поэт подразумевал пятерых Пандавов, героев эпоса «Махабхарата», поскольку существуют легенды об их едином происхождении с династией Пандьев, южноиндийских царей.

ПОЭЗИЯ АХАМ

Расположение стихотворений в этом разделе имеет целью более или менее последовательно показать развитие любовных взаимоотношений героев древнетамильской поэзии. Оно никак не соотносится с композицией антологий, носящей с этой точки зрения хаотический характер, хотя ко времени закрепления их состава (видимо,

VII—VIII вв. н. э.), вероятно, уже существовал жанр «ковей» («цепочка»), расположением стихов подразумевавший определенную линию развития их содержания.

Названия тем-тиней даются по упомянутым нами изданиям, за исключением издания КТ, где они отсутствуют. В стихотворениях КТ темы-тиней обозначены нами исходя из содержания.

КТ 40. Куриньджи. Герой обращается к любимой. Поэта называют Сембулаппеянар, т. е. «тот, кому принадлежат слова о красной земле и дожде».

КТ 3. Куриньджи. Речь героини. Поэт Девакулаттар.

АН 82. Куриньджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Кабилар.

АН 48. Куриньджи. Подруга обращается к матери героини. Поэт Тангаль Мудаккоттранар.

Венгей обладает крупными золотистыми цветами, напоминающими раскраску тигра, отчего его и называют часто «тигр».

КТ 160. Куриньджи. Герой отвечает на упреки друга.

Имя поэта неизвестно.

КТ 335. Куриньджи. Подруга героини обращается к герою. В ее словах содержится намек на труднодоступность героини. Поэт Ирунденюр Коттран Пулаван.

КТ 359. Куриньджи. Подруга обращается к героине. Поэт Кабилар.

Юбочка из листьев, которую дарит герой, — знак предложения любви.

Грозный бог — Муруган.

КТ 140. Куриньджи. Герой обращается к своему сердцу. Поэт Пуданганнанар.

АН 140. Нейдаль. Герой обращается к другу. Поэт Аммуванар.

КТ 235. Куриньджи. Герой обращается к ветру. Поэт Майендан.

АН 122. Куриньджи. Героиня обращается к подруге.

Поэт Паранар.

Титтан — один из царей династии Чола.

охранная роца — см. примеч. на с. 82.

КТ 152. Куриньджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Ки-лимангалам Кижар.

КТ 87. Куриньджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Кабилар.

Древний бог — Муруган.

АН 22. Куриньджи. Героиня обращается к подруге. Поэт Верипадия Камакканнар.

Родные, обеспокоенные болезненным видом героини, приглашают прорицателя — жреца Муругана, велана, чтобы выяснить причину ее недуга, который на самом деле происходит от разлуки с любимым.

Высокий юноша — Муруган.

АН 80. Нейдаль. Подруга, обращаясь к герою, намекает на необходимость сделать явной его тайную связь с героиней, т. е. стремиться к женитьбе.

Поэт Марунгур Кижар Перунганнанар.

АН 2. Куриньджи. Подруга героини, приглашая героя придти на свидание с героиней ночью, одобряет их близость. В то же время в ее словах содержатся намеки на трудности тайных встреч (упоминание сторожей, яркая луна. См. АН 122) и на же-

лательность скорейшего брака героев (время цветения венгей считалось благоприятным, в том числе для свадебных обрядов). Поэт Кабилар.

КТ 348. Речь героини в разлуке. В издании антологии, по которому сделан перевод, стихотворение дано под рубрикой «нейдаль», хотя никаких признаков соответствующего ландшафта оно не содержит. Поэтесса Велливидияр.

АН 100. Нейдаль/куриньджи. Подруга, обращаясь к герою, намекает на необходимость женитьбы, поскольку его тайная связь с героиней стала достоянием молвы. Поэт Улобчанар.

Периян — один из мелких тамильских властителей.

АН 62. Куриньджи. Речь героя. Поэт Паранар.

пей — демонницы. См. их описание на с. 29 и 71.

Порейян — «горец», царь династии Чера. Здесь имеется в виду Сентуттуван, воздвигнувший статую Каннахи, ставшей согласно древнетамильской поэме «Повесть о браслете» богиней женской чистоты и добродетели.

КТ 24. Куриньджи. Речь героини. Поэт Паранар.

КТ 157. Куриньджи. Речь героини. Поэт Аллур Наммуллей.

Комментатор отмечает, что здесь подразумевается разлука в связи с трехдневным периодом нечистоты героини, наступлением месячных, который она должна проводить в одиночестве.

КТ 326. Нейдаль/куриньджи. Героиня обращается к подруге. Имя поэта неизвестно.

КТ 240. Куриньджи. Речь героини в разлуке. Поэт Коллан Ажиси.

КТ 381. Нейдаль/куриньджи. Речь героини в разлуке.

Имя поэта неизвестно.

КТ 321. Куриньджи. Подруга обращается к героине, указывая на трудности тайной любви и побуждая ее к развитию отношений с возлюбленным и замужеству. Имя поэта неизвестно.

АН 10. Нейдаль/палей. Подруга побуждает героя к предбрачному побегу с героиней. Поэт Аммуванар.

Тонди — богатый морской порт в царстве Чера.

АН 65. Палей. Подруга убеждает героиню бежать с любимым. Поэт Мамуланар.

Удиян Чераладан — царь династии Чера, прославившийся своим богатством и щедростью.

АН 49. Кормилица говорит о героине, совершившей побег с любимым. Поэт Ваннаппураккандараттанар.

бобы-кажангы — молуккские бобы, с которыми любили играть девушки. Игра в кажангы напоминает игру с подбрасыванием и ловлей камешков.

КТ 29. Палей. Мать героини думает о своей дочери, убежавшей из дому с любимым. Поэт Пуданар.

КТ 184. Палей. То же. Имя поэта неизвестно.

АН 86. Марудам. Герой, обращаясь к подруге, которая не разрешает ему встретиться с героиней, вспоминает день своей свадьбы. Поэт Наллавур Кижар.

В стихотворении описан древний тамильский свадебный обряд.

АН 56. Героиня рассказывает подруге о панаре, шедшем по поручению героя к гетере. В стихотворении содержится завуалированное сравнение героя с неразборчивым и приносящим беспокойство буйволом. Поэт Мадурей Арувей Ванихан Илаветтанар.

АН 16. Марудам. Героиня обращается со скрытым упреком к герою, возвращающемуся от гетеры. Поэт Сахаласанар.

НТ 380. Марудам. Подруга героини, только что родившей сына и находящейся в состоянии нечистоты, обращается к панару, пришедшему воспеть семейное счастье. Герой же в это время находится у гетеры. Поэт Кудалур Пальканнанар.

АН 116. Марудам. Подруга героини упрекает героя в неверности. Поэт Паранар.

Сёжсиян — Недунджежиян, царь династии Пандья.
два великих царя — цари Черы и Чолы, чьи армии были разгромлены в битве при Аланганаме. См. примеч. к ПН 26.

АН 53. Палей. Героиня, догадываясь о скором уходе героя, отвечает на утешения подруги. Поэт Ситталейччаттанар.

НТ 166. Палей. Герой успокаивает героиню, почувствовавшую его близкий уход. Имя поэта неизвестно.

НТ 137. Палей. Герой, перед тем как покинуть дом, обращается к своему сердцу. Поэт Перунганнанар.

АН 51. Палей. То же. Поэт Перундэванар.

КТ 27. Палей. Речь героини в разлуке. Поэт Коллан Ажиси.

КТ 124. Палей. Подруга обращается к герою перед его уходом. Поэт Палейпадия Перунгадунго.

КТ 16. Палей. Героиня, обращаясь к подруге, жалуется на одиночество. Поэт Палейпадия Перунгадунго.

кальва́ры — племя, промышлявшее в диких местах грабежом.

НТ 148. Палей. Подруга утешает героиню в разлуке. Поэт Калламбаланар.

НТ 289. Муллей. Героиня в разлуке, видя приход сезона дождей, говорит подруге. Поэт Марунгур Паттинаттиччандан Кумаранар.

НТ 69. Муллей. Героиня в разлуке жалуется на свое одиночество. Поэт Сехамбунданар.

НТ 97. Муллей. То же. Поэт Маранва́жуди (царь династии Пандьев).

НТ 99. Муллей. Подруга утешает героиню, страдающую при виде прихода сезона дождей. Поэт Иландирейар.

КТ 108. Муллей. Героиня обращается к подруге, видя приход сезона дождей. Поэт Вайилан Дэван.

НТ 238. Муллей. Героиня, страдающая в одиночестве, обращается к туче. Поэт Кандараттанар.

НТ 248. Муллей. То же. Поэт Касипанкиранар.

НТ 381. Муллей. Героиня, страдающая в разлуке с приходом сезона дождей, обращается к подруге.

В этом стихотворении, созданном Ауувейяр, имеется панегирическая нота, относящаяся к князю Недуману Аньджи (Адияману), покровителю поэтессы.

АН 364. Муллей. То же. Поэт Мадурани Марудангиджар Маханар Перунганнанар.

АН 4. Муллей. Подруга обращается к героине при наступлении сезона дождей. Поэт Курунгуди Маруданар.

АН 24. Муллей. Герой говорит, видя начало сезона дождей. Поэт Авур Мулангиджар.

...брахманов, кто жертвы не приносит — неарийские брахманы, выходцы из местного населения, не допускавшие к исполнению ведических обрядов; часто занимались каким-либо ремеслом.

АН 174. Муллей. Герой, находящийся в военном стане, обращается к своему сердцу. Поэт Мадурани Алаккар Ньжалар Маханар Малланар.

В стихотворении упомянут обычай награждения воинов цветком лотоса, сделанным из золота.

АН 94. Муллей. Герой, завершив пребывание на чужбине, обращается к возническому. Поэт Нанбалур Сирумэдавияр.

Идиллическая картина ландшафта района муллей, полного блага, чистоты, как бы говорит о состоянии героини.

НТ 81. Муллей. Герой, возвращаясь домой, обращается к возническому. Поэт Ахамбан Маладанар.

АН 224. Муллей. То же. Поэт Авур Мулангиджар Маханар Перундалей Саттанар.

АН 93. Палей. Герой, вдали от дома вспоминая о любимой, обращается к своему сердцу. Поэт Канаккаянар Маханар Наккиранар.

Стихотворение совершенно лишено элемента природного окружения, но в сравнениях содержит образы, заимствованные из поэзии пурам, причем интересно, что панегирические ноты относятся ко всем трем знаменитым тамильским царствам.

Важуди — царь династии Пандья.

Карувур — порт в царстве Чера.

АН 184. Муллей. Подруга героини встречает вернувшегося домой героя. Поэт Мадурани Марудан Илананар.

КТ 270. Муллей. Герой, вернувшись домой, обращается к дождевой туче. Поэт Пандиян Паннаду Тандан.

ТИРУМУРУГАТТРУПАДЭЙ

Поэт Наккирар

{Тируппарангундрам}

Тируппарангундрам — гора близ Мадурани, издавна считавшаяся священной и одним из мест обитания Муругана.

на́валь — лучший из известных четырех сортов золота.

та́лак — знак, наносимый краской на лоб для обозначения религиозной принадлежности или просто для красоты.

ма́кара — мифическое чудовище, нечто среднее между рыбой и крокодилом.

Сур — демон, враг Муругана.

...сразил дерево манго в цвету... — Сурапа́дма, предводитель асуров, мог превращаться в дерево манго.

...кто был двузначен обликом, притом что телом един — тот же Сурапа́дма обладал обликом человеколошадь.

...вкусишь плоды предшествующих деяний — упоминание о карме, сумме поступков человека в прошлом рождении, определяющей его настоящее.

...висят длинный военный флаг, Кукла и мяч лоскутный на воротах — кукла и мяч, предметы женских игр, на воротах Мадурани выражают презрение к врагам, указывают на их ничтожество, на то, что они не страшны пандийскому царю.

[Тируччиралеивай]

Тируччиралеивай (или Тиручендур) — приморское селение в нынешнем округе Тирунелвэли.

...тех, чьи труды по своей Природе неуничтожимы... — имеются в виду достижения совершенства подвижники.

мантры — заклинания, священные формулы, отрывки из ведических гимнов.

куравары — племя горных охотников, из которого происходила Валли, одна из двух жен Муругана.

...ведцев, которым дала Способность движенья по воздуху... — речь идет о сиддхах, мудрецах, обладающих сверхъестественными способностями.

анкуш — специальный жезл с крюком для управления слонами.

...диск огромный... — чакра, металлическое оружие, характерный атрибут Вишну.

[Тирувавинангуди]

Тирувавинангуди — небольшое селение в горах Пажани.

Эта часть имеет в своей основе следующий мифологический эпизод: Муруган проклял Брахму, создателя всего сущего, так как Брахма сказал, что главное оружие Муругана, всепобеждающее копьё, также создано им. Брахма утратил свою силу создателя, мировой порядок был нарушен, и боги не могли выполнять своих функций, после чего все они отправились к Муругану просить его снять проклятие.

мүни — молчаливики, аскеты, подвижники.

гандхарвы — полубожественные персонажи древнеиндийской мифологии, небесные музыканты.

Изогнутокрылую, пеструю, разящую сильных змей... Птицу на длинном знамени поднимающий бог — Вишну и его ездовая птица Гаруда.

Зная с белым быком множеством рук отклоняющий Вправо, Умой слепящий, немигающий третьим глазом, Три крепости сокрушивший, полный ярости бог — Шива; упомянут бык Нанди, его ездовое животное; три крепости — три града асуров, которые он уничтожил одной стрелой; Ума — одно из имен Парвати, его супруги.

Тысячеокий... на шее слона... восседающий... — бог Индра и его ездовое животное, белый слон Айравата.

...храмами четырех величайших... — т. е. Брахмы, Шивы, Вишну и Индры.

...четырехликому, рожденному в лотосе... — Брахма часто изображается с четырьмя лицами, смотрящими на четыре стороны света. Согласно мифам, Брахма родился в лотосе, выросшем из пупка Вишну.

Имеющему нескончаемые эпохи существования — «Один год жизни смертных... — это всего лишь день и ночь для богов. Двенадцать тысяч божественных лет, слагающихся из таких дней и ночей, — это один день жизни Брахмы, и в течение этого дня существует вселенная. Когда творец засыпает и наступает ночь Брахмы, вселенная гибнет. Ночь Брахмы длится столько же времени, сколько его день; когда она минует и настает новый день, Брахма творит вселенную».

заново» (Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М., 1975, с. 199).

С женщиной безупречного поведения и чистоты... — имеется в виду Деваяней, или Девасена, другая жена Муругана, дочь Брахмы, персонаж североиндийской мифологии.

[Тируверагам]

Тируvéрагам — селение, находившееся, как полагают, недалеко от Кумбаконама в дельте Кавери.

В этой части утверждается приверженность Муругану ведических брахманов (жрецов).

...дважды три обязанности — произнесение Вед, обучение Ведам, совершение жертв, споспешествование принесению жертв, принесение даров, получение даров.

...сорок и восемь благодатных лет юности... — вероятно, имеются в виду жизненные стадии традиционного индуса: «стадия ученичества» и «стадия домохозяина».

...трех огней трех разновидностей — подразумевается различное расположение огней во время ведического ритуала.

С трехрядным тонким шнуром, из девяти нитей скрученным — специальный шнур, надеваемый на человека, обозначал его приобщение к сословию брахманов, «второе рождение».

шестисложная мантра — заклинание «Нама Кумарая» («Приветствие юному»).

[Пляски на каждом холме]

...люди лесные... — племена горных охотников, кураваров, среди которых был распространен культ Муругана.

[Пажамудирсолей]

Пажамудирсолей — роща в горах близ Мадурани.

В этой части описывается обряд жертвоприношения Муругану, совершаемый жрицей из племени кураваров. Далее, в заключении поэмы, развернута формула, характерная для «аттруппадей»: «Если придешь и восхвалишь, обретешь то-то и то-то».

В озере с дарбха-травой в высоких горах — ссылка на древнеиндийский миф о рождении Сканды, с образом которого сливается образ Муругана. В кратком изложении этот миф, имеющий ряд вариантов, звучит так: Индра, царь богов, решает, что для укрепления силы небесного воинства нужен сильный молодой предводитель. Споспешествовать его появлению на свет должен был Шива. Семя Шивы упало в огонь, иначе говоря, его принял Агни, бог огня (в тексте поэмы «один из пяти», т. е. один из пяти элементов природы, которыми являются: огонь, вода, земля, небо, эфир), и перенес его шестерым женам риши, ведических мудрецов. Эти шесть женщин и родили Сканду, бога войны, «в шести естествах», слившихся затем воедино.

Бог, сидящий под баньяном — Шива.

дочь темных гор — Парвати, супруга Шивы, которая считается матерью Сканды-Муругана, поскольку Шива — его отец.

Коттравей — богиня победы древних тамилы.

Древняя («Пажейбль») — богиня лесов и растительности.

Наделенный победной мощью, гору рассекшей — демон Кира-вуньджан (Краунча) принял форму горы, чтобы помешать мудрецу Агастье двигаться на юг Индии.

труднодоступное искусство — букв. «труднодоступное свойство»; по словам комментатора, способность достичь мокши, освобождения от телесных уз.

Трудный для обретения дар... — мокша, прекращение цепи рождений.

СЛОВАРЬ РЕАЛИЙ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ДРЕВНЕТАМИЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Аварей — *Dolichos lablab*, бобовое растение, пышно цветущее белыми цветами, которые напоминают по форме клюв попугая.

Адумбу — *Iropea pascarpa*, ползучее растение с раздвоенными листьями и цветами в форме колокольчика.

Амбаль — *Nymphaea lotus*, одна из разновидностей водяной лилии. См. *нейдаль*.

Асбка — *Saraca indica*, дерево с красными цветами.

Ахил — *Aquilaria agallocha*, орлиное дерево, древесина которого употреблялась для изготовления ароматических веществ.

Венгей — *Pterocarpus bilobus*, или *marsupium*, дерево крылоплод с крупными золотистыми цветами. Время цветения венгея считалось благоприятным для разного рода начинаний — бракосочетания, выступления в поход и т. д.

Вэтчи — *Ixora coccinea*, дерево с красными цветами.

Вилá — дерево *Feronia elephantum*.

Гáя (кая) — *Memecylon tinctorum*, карликовое дерево с купами мелких синих цветов, которые часто сравниваются поэтами с сапфиром или пятнами на хвосте павлина.

Иа — дерево, растущее в пустынной местности, характерное для поэзии палей.

Кáваль (кавалей) — растение, клубни которого употребляются в пищу.

Кáдамба — *Nauclea cadamba*, дерево с оранжевыми цветами. Священо с культом Муругана, которого часто называют «бог, обре-тающийся под кадамбой», «властитель кадамбы».

Кáлли — *Euphorbia tirucalli*, молочай, растение, характерное для пустынной местности.

Кáндаль (гондри) — *Gloriosa superba*, малабарская горная ли-лия, растение с ароматными красными цветами, лепестки кото-рых напоминают язычки пламени, отчего поэты часто называют кандаль светильником или огоньком в лесу. Характерен для

поэзии куриньджи и муллей. Существует и белопетная разно- видность кандала (кодаль).

Кá н ъ д ж и — 1) *Tremia nudiflora*, стрихниновое дерево (?), расту- щее по берегам водоемов; 2) поэтическая тема поэзии пурам, мудрый совет правителю.

Кó н г у — *Norea parviflora*, дерево с крупными ароматными цве- тами, распускающимися в теплое время года (март — апрель). Во время цветения листва дерева опадает.

Кó н д р ѐ й — *Cassia fistula*, или *Cassia marginata*, дерево с длин- ными яркими желтыми соцветиями, напоминающими золотые подвески.

Кú в а л е й — *Nimphaea rubra*, красная водяная лилия.

Кú р и н ъ д ж и — 1) *Strobilanthes*, растение, встречающееся в горах и цветущее с перерывом от 4 до 12 лет (в зависимости от раз- новидности); 2) ландшафт, область гор и горных лесов; 3) поэ- тическая тема-тиней, в которой ситуативный элемент составляет добрая любовь, частые встречи влюбленных, а природным элементом является район куриньджи.

Мá р а л ь — *Sansevieria zeilanica*, дерево, наиболее часто упо- минаемое в поэзии палей.

М а р á м — *Shorea talura*, дерево сал, или пинал.

М а р г ó з а (вембу) — *Azadirachta indica*, ним, margoza, дерево, цветущее ранней весной. Охранное дерево и эмблема царей ди- настии Пандья.

Мá р у д а м — 1) *Lagerstroemia feos-regina*, царское дерево; 2) ланд- шафт, район плодородных речных долин; 3) поэтическая тема- тиней, природным элементом которой является район марудам, а ситуативным — семейная размолвка.

М у л л ѐ й — 1) *Jasminum trichotomum*, или замбас, жасмин, кустар- ник с ползучими ветвями и множеством ярко-белых цветов, мгновенно раскрывающихся с приходом дождей; 2) ландшафт, составляющий природный фон (холмы, пастбища, леса) ситуа- ции муллей; 3) поэтическая тема-тиней, содержанием которой является целомудрие жены в разлуке с мужем. Цветы мул- лей — символ женской чистоты и добродетели в тамильской культурной традиции.

Мú р у к к у — *Erythrina Judira*, дерево с ярко-красными цветами.

М у с у н д ѐ й — растение с мелкими белыми цветами.

Нé й д а л ь — 1) *Nimphaea lotus alba*, белая водяная лилия; 2) ланд- шафт района морского побережья с песчаными дюнами и при- брежными рощами; 3) поэтическая тема-тиней, ситуативным элементом которой является страдание в разлуке, а природным — ландшафт нейдаль.

Нé л л и — *Phyrlanthus emblica*, дикий индийский крыжовник.

Нó ч ч и — *Vitex trifolia*, *Vitex pegundu*, целомудренник, дерево с фиолетовыми цветами.

Пá л е й — 1) *Wrightia tinctoria*, дерево, характерное для пустынных земель; 2) ландшафт, пустынная местность в период летней жа- ры; 3) поэтическая тема-тиней, разлука влюбленных в период летней жары.

П а х а н д р ѐ й — *Tinospora cordifolia*, вьющееся растение с серебри- стыми цветами.

Пí д а в а м (пидаву) — *Randica malabarica*, дерево с белыми цве- тами.

Пú н н е й (пунгу) — *Calophyllum inophyllum*, дерево красолист с разветвленной кроной и ароматными белыми цветами. Охранное дерево Титтана, царя Чолы.

Тó н д р и — см. кандаль.

Чá м п а к а — *Mochelia champasa*, большое дерево с ароматными цветами.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. А. Дубянский	3
Поэзия пурам	19
Пуранануру	19
Мадураикканьджи	26
Поэзия ахам	46
Курунтохей. Аханануру. Наттриней	46
Поэзия гимнов	70
Тирумугаттруппадей	70
Комментарий	79
Словарь реалий растительного мира в древнетамильской поэзии	91

СТИХИ НА ПАЛЬМОВЫХ ЛИСТЬЯХ Классическая тамильская лирика

Редактор Л. Ш. Рожанский
Младший редактор Г. А. Бурова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор Г. Н. Никитина
Корректор В. Н. Багрова

ИБ № 13763

Сдано в набор 27.06.79. Подписано к печати 12.11.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,51. Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 444. Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Комиссаров Д. С. О современном иранском литературоведении. 6 л.

Прождогина С. В. Магриб: франкоязычные писатели 60—70-х годов. 20 л.

Развитие литературы в независимых странах Африки (60—70-е годы XX в.): Сб. статей. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».